

W  $\frac{102}{294}$











W  $\frac{102}{294}$

Н. Э. Кохи.

# ВВЕДЕНИЕ

КЪ

Систематическому Комментарію У. У. С.

---

МОСКВА.

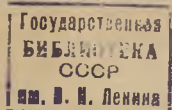
Типографія „КУЛЬТУРА“, Никитскія в., Мерзляковскій п., д. 7. Телефонъ 315-01.

1913.



2007110741





56640-58

## ВВЕДЕНИЕ.

Законы о судопроизводствѣ уголовномъ, помимо своего значенія, какъ ряда дѣйствующихъ правилъ объ отправленіи уголовного правосудія, имѣютъ значеніе историческое, политическое и этическое. Историческое—въ смыслѣ показателя путей и степени развитія народа къ воспріятію господствующихъ формъ и обрядовъ уголовного процесса и усвоенію себѣ связанныхъ съ ними учреждений; политическое—въ смыслѣ обезпеченія личныхъ правъ и свободы и степени ограниченія самовластия органовъ правосудія и произвола въ способахъ отправленія послѣдняго; этическое—въ смыслѣ развитія правосознанія народа и проникновенія въ процессуальныя правила нравственныхъ началъ. Съ этихъ точекъ зрѣнія особеннаго вниманія заслуживаетъ та роль, которую играетъ въ выработкѣ приговора внутреннее убѣжденіе носителей судебной власти. Ближайшее знакомство съ историческимъ развитіемъ процесса показываетъ, что, имѣя задачу быть живымъ выразителемъ правосудія, судья не всегда, однако, принималъ одинакое участіе въ изслѣдованіи истины и роль, которая отводилась его внутреннему убѣжденію, какъ основанію приговора, не была однородна въ разные историческіе періоды. Народный судъ геліастовъ, подъ предсѣдательствомъ архонта, въ древней Греціи,—присяжные судьи (*judices jurati*) подъ руководствомъ претора въ Римѣ до IV вѣка по Р. Х. и франко-германскій судъ лучшихъ людей, созываемый вождемъ мархіи—являются представителями чисто обвинительнаго начала и рѣшаютъ судебный споръ лишь по тѣмъ доказательствамъ, которыя представлены истцомъ—обвинителемъ и отвѣтчикомъ—обвиняемымъ. Къ доказательствамъ греческаго и римскаго процессовъ—задержанію съ поличнымъ, собственному признанію и показаніямъ свидѣтелей—эпоха *leges barbarorum* присоединяетъ свои, выдвигая на первый планъ очистительную присягу подсудимаго и поручителей за него изъ свободнаго сословія, съ замѣною ея ордаліей, т. е. испытаніемъ огнемъ, водою и желѣзомъ. Феодальная система передаетъ судъ въ руки сеньора, патримоніальнаго владѣльца, по уполномочію, котораго его замѣститель (во Франціи—*бальи*) судитъ обвиняемаго при сотрудничествѣ опредѣленнаго числа равныхъ послѣдному по званію людей. Процессъ остается тѣмъ-же, но въ числѣ доказательствъ преобладаетъ судебный поединокъ, получающій особенное развитіе въ XI и XII столѣтіяхъ и почти совершенно упраздняющій свидѣтельскія показанія. Такъ совершается постепенный переходъ отъ свободы внутренняго убѣжденія—при ограниченномъ кругѣ доказательствъ—древняго народнаго суда къ внѣшней задачѣ суда феодальнаго, которая характеризуется отсутствіемъ или вѣрнѣе ненадобностью внутренняго убѣжденія въ виновности

или невиновности подсудимаго. вмѣсто суда человѣческаго этотъ вопросъ рѣшаетъ судъ Божій, выражающійся въ наличности или отсутствіи несомнѣнныхъ признаковъ виновности, состоящихъ въ слѣдахъ ожоговъ, въ побѣдѣ противника во время „поля“ и т. д. Опредѣляя на чьей сторонѣ истина, судъ не изслѣдуетъ вины и не основываетъ своего приговора на сопоставленіи и взвѣшиваніи внутренней силы доказательствъ: поличное, ордалія, поединокъ и даже собственное сознаніе такой работы по тогдашнему взгляду вовсе не требуютъ. Сплоченіе государствъ въ одно цѣлое и торжество монархическаго единства надъ феодальною раздробленностью—объединяетъ судъ, сосредоточивая его въ рукахъ специальныхъ судей, назначаемыхъ отъ короны. Ихъ роль измѣняется. Подобно служителямъ церкви, имѣвшимъ свой особый, инквизиціонный процессъ, коронные судьи начинаютъ розыскивать доказательства преступленія и доискиваться виновности подсудимаго. Подъ вліяніемъ церкви, которая все болѣе и болѣе сливается съ государствомъ, устраняются кровавыя доказательства. Исчезаютъ всякіе слѣды ордалій, не назначается болѣе судебныхъ поединковъ. Но связанное съ формальной проповѣдью мира и человѣколюбія вліяніе церкви на свѣтскій судъ привело къ обратному результату, усвоивъ этому суду приемы и обстановку своихъ изслѣдованій. Очищенная церковью отъ возрѣній феодальнаго времени, система доказательствъ сосредоточилась на показаніяхъ—и прежде, и главнѣе всего на собственномъ сознаніи и оговорѣ. Это сознаніе надо добыть во что бы то ни стало,—не убѣжденіемъ, такъ страхомъ, не страхомъ, такъ мукою. Средствомъ для этого является пытка. Употреблявшаяся въ античномъ мірѣ и въ феодальную эпоху очень рѣдко и лишь относительно рабовъ и несвободныхъ, пытка становится универсальнымъ средствомъ для выясненія истины. Судья допытывается правды и считаетъ за нее то, что слышитъ изъ запекшихся отъ крика и страданій устъ обвиняемаго, которому жмутъ тисками голени и пальцы на рукахъ, выворачиваютъ суставы, жгутъ бока и подошвы, въ котораго вливаютъ неимоверное количество воды. Этого нельзя дѣлать всенародно—и судъ уходитъ въ подземелье, въ застѣнокъ. Тамъ заноситъ онъ въ свои мертвыя и безцвѣтныя записи—признанія, данныя съ судорожными рыданіями или прерывающимся, умирающимъ шопотомъ. Отсюда—отсутствіе, очевидно бесполезной, защиты, безгласность, письменность и канцелярская тайна. Очевидно, что и тутъ внутреннему убѣжденію очень мало мѣста. Если только есть убѣжденіе, что пытка спасительное средство для полученія истины—а въ этомъ горячо убѣждены, въ лицѣ выдающихся юристовъ, всѣ судьи того времени—то рѣшаетъ дѣло физическая выносливость подсудимаго. Это время можно назвать временемъ предвзятости судейскаго убѣжденія. Человѣчество, однако, движется впередъ и къ концу своего свыше трехвѣковаго господства пытка сначала регулируется и сокращается и, наконецъ, исчезаетъ съ мрачныхъ процессуальныхъ страницъ. Развивавшаяся рядомъ съ нею система формальныхъ, предустановленныхъ доказательствъ—замѣняетъ ее и господствуетъ повсюду, болѣе или менѣе неограниченно, до введенія суда присяжныхъ. Эта система даетъ въ руки суда готовый рецептъ, гдѣ установлены заранѣе виды и дозы доказательныхъ средствъ, необходимыхъ для излѣченія подсудимаго отъ недуга, называемаго преступленіемъ. Задача сводится къ механическому сло-



женію и вычитанію доказательствъ, вѣсь и взаимная сила которыхъ заранѣе опредѣлены, при чемъ даже и для сомнѣнія есть опредѣленные, формальныя правила. Хотя при господствѣ розыскаго, слѣдственнаго процесса, судебная власть сама собираетъ доказательства, но собравъ ихъ, она не даетъ суду права свободно сопоставлять и сравнивать ихъ, руководясь внутреннимъ убѣжденіемъ, а указываетъ ему для этого готовое непреложное мѣрило. Время господства системы формальныхъ доказательствъ можетъ быть поэтому названо временемъ связанности внутренняго убѣжденія суда.

Новое время даетъ, наконецъ, надлежащую свободу убѣжденію судьи, возвращая его въ положеніе античнаго судьи, но обставляя его личность и дѣятельность условіями и требованіями, которыя обезпечиваютъ, по мѣрѣ возможности, правильность отправленія правосудія. Розыскъ доказательствъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, производитъ судья. вооруженный опытомъ и знаніемъ, и свою работу передаетъ другимъ судьямъ, которые ее уже оцѣниваютъ, присутствуя при совокупной работѣ сторонъ по разработкѣ этихъ доказательствъ. При этомъ слѣдственно-обвинительномъ производствѣ выводъ о виновности является результатомъ сложной внутренней работы суда, не стѣсненнаго въ опредѣленіи силы доказательствъ ничѣмъ, кромѣ указаній разума и голоса совѣсти. При томъ, по важнѣйшимъ дѣламъ, судебная власть зоветъ къ себѣ въ помощь общество, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей,—и говоритъ этому обществу: „я сдѣлала все, что могла, чтобы выяснитъ злое дѣло человѣка, ставимаго мною на твой судъ,—теперь скажи свое слово самообороны или укажи мнѣ, что, ограждая тебя, я ошибалась въ его виновности“.

Нашъ старый уголовный судъ, рѣшительная отмѣна котораго была возвѣщена Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства, являясь выразителемъ системы связанности внутренняго убѣжденія, представлялъ въ законодательномъ своемъ начертаніи и въ практическомъ осуществленіи безотрадную картину, оправдывавшую негодующія слова Хомякова о томъ, что Россія „въ судахъ черна неправдой черной“. Законной опорой этого суда являлась вторая часть XV тома Свода Законовъ—безсвязное собраніе самыхъ разнородныхъ и разновременныхъ постановленій, механически сливавшихся воедино статьи уложенія Царя Алексѣя Михайловича, указы Петра и, какъ выразился въ 1835 году Государственный Совѣтъ, „виды правительства“, обнародованные въ 1784, 1796—1809 и 1823 годахъ. Этотъ судъ существовалъ для немногихъ и за немногое. Лишь крайнія нарушенія условій общежитія, въ которыхъ предписанія закона сливались съ велѣніями заповѣдей, да и то не всѣхъ, влекли за собой общій для всѣхъ судъ. Все остальное для цѣлой массы населенія разбиралось спеціальными сословными и вѣдомственными судами, границы подсудности которыхъ далеко не всегда были ясны. Въ особенности широкое примѣненіе имѣлъ судъ чиновъ полиціи и помѣщиковъ, при которомъ понятіе о судебномъ разбирательствѣ неизбѣжно переходило въ понятіе о расправѣ. Лишь при совершеніи крѣпостными важнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, владѣлецъ „душъ“ былъ безусловно обязанъ обращаться къ общему суду въ лицѣ Уѣзднаго Суда и Уголовной Палаты. Во всѣхъ-же остальныхъ случаяхъ, когда крѣпостному приписывалась вина противъ помѣщика, его семейства и

управляющаго, его крестьянъ и дворовыхъ—или даже постороннихъ, обратившихся къ заступничеству помѣщика,—существовало право безконтрольнаго домашняго суда и взысканія. Если, однако, при этомъ вина представлялась особо важной или мѣры взысканія „домашняго изобрѣтенія“ оказывались мало успѣшными, то провинившіеся отсылались въ смирительные или рабочіе дома, а также и въ арестанскія роты на срокъ (до 1846 года) самимъ владѣльцемъ опредѣленный. Если же помѣщику или (до 1854 года) его управляющему это наказаніе казалось слишкомъ малымъ, то къ ихъ услугамъ было право отдачи несовершеннолѣтнихъ крестьянъ въ кантонисты, а болѣе взрослыхъ въ рекруты или препровожденіе ихъ „въ распоряженіе Губернскаго Правленія“ которое „не входя ни въ какое розысканіе о причинахъ негодованія помѣщика“ ссылало представленнаго въ Сибирь въ сопровожденіе жены и дѣтей, не достигшихъ „мальчики—пяти лѣтъ, а дѣвочки—десяти лѣтъ“. Ближайшую къ городскому населенію инстанцію суда представлялъ собою по большей части квартальный надзиратель и его непосредственное начальство. Ими учинялось разбирательство по маловажнымъ дѣламъ. Общіе суды считались коллегіальными, но самъ законъ допускалъ такой составъ присутствія (въ магистратахъ и ратушахъ), въ которомъ всѣ судьи были неграмотные, и возлагалъ на секретаря изложеніе рѣшенія такихъ судей. Въ дѣйствительности дѣла почти никогда не докладывались даже и въ Уѣздныхъ Судахъ, гдѣ большая часть членовъ были малограмотные или и вовсе неграмотные. Въ судахъ второй степени дѣло тоже обыкновенно рѣшалось безъ доклада, однимъ товарищемъ предсѣдателя, — единственнымъ членомъ, назначаемымъ отъ правительства,—всѣ прочіе члены, за исключеніемъ иногда предсѣдателя, только подписывали заготовленное заранее рѣшеніе участи подсудимаго, совершенно имъ невѣдомаго. А между тѣмъ законъ предоставлялъ такому суду право опредѣлять наказаніе по своему усмотрѣнію не установивъ, ни высшаго предѣла лѣтъ каторжной работы, ни числа ударовъ кнутомъ или плетями. Перо художника и юморъ бытописателя оставили незабвенные образы типическихъ судей этого времени. Гоголь и Иванъ Аксаковъ, Салтыковъ-Щедринъ и Горбуновъ нарисовали картины отправленія правосудія, правдоподобность которыхъ подтверждается серьезными изслѣдователями и очевидцами, каковы, на примѣръ, Ровинскій, Стояновскій и др. Излишне говорить, что при низкомъ уровнѣ судей и вліятельномъ положеніи секретаря, а также при безконтрольномъ усмотрѣніи органовъ мѣстной полицейской власти, отсутствіе при судебномъ разбирательствѣ „корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ“ составляло скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило. Не даромъ одинъ изъ описателей дѣятельности квартальнаго надзирателя, котораго московскіе обыватели обыкновенно называли Комиссаромъ, приводилъ слова будто-бы подлинной, но во всякомъ случаѣ характерной, рукописи: „Не Богъ сотвори Комиссара, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненную всякія скверны, воеже прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую“. И высшій судъ—Сенатъ—тоже не былъ богатъ людьми просвѣщенными и, въ особенности, получившими юридическое образованіе. При господствѣ канцеляріи знаменитая „практическая опытность“ въ дѣлахъ, т. е. рутинная и въ то-же время изворотливая техника, облеченная въ отяготительное



многословіе, замѣняла собою правильныя понятія о духѣ и цѣляхъ закона. Такъ, на примѣръ, въ началѣ сороковыхъ годовъ въ семи петербургскихъ департаментахъ Правительствующаго Сената оказалось всего шесть человѣкъ, получившихъ высшее образованіе. Главная пружина дѣятельности общихъ судовъ—секретарь отъ котораго въ огромномъ большинствѣ случаевъ зависѣлъ исходъ дѣла, отличался нерѣдко отъ „начертаннаго бѣсомъ“ Комиссара лишь большимъ внѣшнимъ достоинствомъ манеръ, да навыкомъ въ законахъ и умѣлою готовностью „подбирать ихъ масть къ масти“, о чемъ ему укорительно, но бессильно напоминалъ указъ Петра Великаго, вставленный въ зеркало. Поэтому въ старомъ судѣ торжествовало, въ рукахъ приказныхъ людей, своеобразное правосудіе, среди органовъ котораго подчасъ власть безъ образованія затопляла собою небольшіе островки образованія безъ власти. Вслѣдствіе этого слова коронаціонной эктени „яко суды Его не мздоимны и не лицепріятны сохрани!“ являлись не мольбою объ устраненіи возможности, а воплемъ предъ подавляющею дѣйствительностью.

Канцелярская тайна, безчисленныя отписки и допускаемая самимъ закономъ плодovitость въ возбужденіи частныхъ производствъ, возвращавшихъ дѣло почти что къ его первоисточнику, были атрибутами уголовного производства и влекли за собою медленность и волокиту, достигавшія иногда поразительныхъ размѣровъ. Достаточно указать хотя-бы на дѣло о кражѣ изъ московскаго уѣзднаго казначейства мѣдной монеты на сто пятнадцать тысячъ рублей, возникшее въ 1844 году и оконченное лишь въ 1865, т. е. черезъ 21 годъ.

Матеріаломъ для суда такого устройства и состава служило слѣдствіе, производимое полиціей. Безотчетный произволъ, легкомысленное лишеніе свободы, напрасное производство обысковъ, отсутствіе яснаго сознанія о дѣйствительномъ составѣ преступленія, неумѣлость и нерѣдко желаніе „покорчиться“, „выслужиться“ или „отличиться“ были характерными признаками производства такихъ слѣдствій, при чемъ въ виду того, что собственное признаніе обвиняемаго считалось закономъ за „лучшее доказательство всего свѣта“, бывали случаи добыванія его истязаніями и пріемами замаскированной пытки. Слѣдственное производство поступало затѣмъ въ судъ и подлежало рассмотрѣнію и разрѣшенію въ строгихъ и узкихъ рамкахъ правилъ о формальныхъ доказательствахъ, въ силу которыхъ законъ требовалъ отъ судьи признанія виновности лишь при совершенныхъ доказательствахъ. По отношенію къ главному изъ доказательствъ вообще—къ показаніямъ свидѣтелей—было принято закономъ, что они по отношенію къ устанавливаемому ими обстоятельству не имѣютъ силы совершенныхъ доказательствъ, если не даны подъ присягой и притомъ двумя свидѣтелями, буде только одинъ изъ послѣднихъ не мать или отецъ, показывающіе противъ своихъ дѣтей. Когда судья встрѣчался съ искреннимъ и правдивымъ показаніемъ, законъ говорилъ ему, что оно не идетъ въ счетъ, если свидѣтель признанъ по суду „явнымъ прелюбодѣемъ“ или „портившимъ тайно межевые знаки“ или оказывается иностранцемъ, „поведеніе котораго неизвѣстно“ и вслѣдствіе этихъ своихъ „качествъ“ не можетъ быть допущенъ до присяги.



Но и по отношенію къ показаніямъ, даннымъ подъ присягою, законъ предписывалъ давать предпочтеніе показанію знатнаго передъ незнатнымъ, духовнаго предъ свѣтскимъ, мужчины предъ женщиной, ученаго предъ неученымъ. Если, наконецъ, судья находилъ, что несмотря на отсутствіе совершенныхъ доказательствъ есть рядъ уликъ, которыя приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію въ виновности подсудимаго, совершившаго мрачное дѣло и ловко спрятавшаго особенно выдающіеся концы въ воду, то секретарь имѣлъ право представить ему „съ должной благопристойностью“ о томъ, что его разсужденія не согласны съ законами и что подсудимаго необходимо оставить только въ подозрѣніи или дать ему для очищенія подозрѣнія возможность принести присягу. Эта система, связывая убѣжденіе судьи и внося въ его работу элементъ бездушнаго механизма, создавала уголовный судъ безсильный въ рядѣ случаевъ покарать дѣйствительно виновнаго, но достаточно могущественный, чтобы разбить личную жизнь человѣка сліяніемъ безконтрольнаго возбужденія преслѣдованія воедино съ преданіемъ суду и оставленіемъ невиновнаго въ *подозрѣніи*, что заставляло его болѣзненно переживать стыдъ, который ни разъяснить, ни сбросить съ себя нельзя. Подъ ея покровомъ вершались иногда уголовныя дѣла, содержаніе которыхъ и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, волнуетъ при знакомствѣ съ ними и оскорбляетъ чувство справедливости. Она предоставляла судѣ лишь одну возможность: при отсутствіи собственнаго признанія подсудимаго и двухъ присяжныхъ свидѣтелей, оставлять виновнаго въ сильномъ подозрѣніи въ тѣхъ случаяхъ, когда, подсовываемый секретаремъ приговоръ объ освобожденіи обвиняемаго отъ суда и слѣдствія, смущалъ совѣсть, связанную формальностями.

Пересмотръ состоявшихъ приговоровъ, значительная часть которыхъ подлежала утвержденію начальника губерніи, совершался въ двойномъ порядкѣ—а пелляціонномъ—для дѣлъ меньшей важности, но подсудныхъ общимъ судамъ,—и ревизіонномъ—для дѣлъ, связанныхъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или съ потерю всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Въ апелляціонномъ порядкѣ дѣло могло и даже должно было тянуться многіе годы, такъ какъ докатившись, наконецъ, до Сената, оно изъ Департамента, за разногласіемъ, переходило въ Общее Сената Собраніе, откуда, при отсутствіи двухъ третей голосовъ въ пользу того или другого рѣшенія, шло въ Консультанцію Министерства Юстиціи и снова возвращалось въ Общее Собраніе, откуда обыкновенно поступало въ Государственный Совѣтъ со всею сложной старой организаціей послѣдняго. Въ порядкѣ ревизіонномъ дѣла о подсудимыхъ, не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, поступали, въ силу закона, независимо отъ жалобъ, на окончательное рѣшеніе Уголовной Палаты, а о лицахъ вышихъ сословій, приговоренныхъ Уголовными Палатами—въ Сенатъ, гдѣ слѣдовали обще-установленнымъ ходомъ производства. Для огражденія „прочности правосудія“ существовала статья 116 второй части XV т. С. З., разъясненная въ 1835 году Государственнымъ Совѣтомъ въ томъ смыслѣ, что уголовный арестантъ на приговоръ, по коему онъ понесъ наказаніе и отправленъ въ ссылку, можетъ приносить жалобу установленнымъ въ законахъ порядкомъ не прежде, какъ по достиженіи мѣста каторжной работы или поселенія, которое по окончательному распоряженію для него предназначено.

Понесеніе наказанія, на которое предоставлялось приносить жалобу лишь съ мѣста назначенія, доходило, независимо отъ лишенія правъ состоянія и обращенія въ каторжныя работы, до ста ударовъ плетью черезъ палачей съ наложеніемъ клеймъ, которыхъ, конечно, никакое дальнѣйшее признаніе невиновности осужденнаго вытравить уже было не въ состояніи.

Таковы были условія отправленія уголовного правосудія, обрекавшія населеніе на судебную волокиту по множеству инстанцій и представлявшія полное смѣшеніе административной и судебной властей. Произвольно и случайно, безъ законнаго повода начатое слѣдствіе обыкновенно влекло за собою по отношенію къ лицамъ непривилегированнымъ лишеніе свободы въ помѣщеніяхъ, чуждыхъ элементарнымъ условіямъ правильнаго тюремнаго устройства. А за тѣмъ надъ привлеченнымъ начиналъ громоздиться ворохъ невѣдомыхъ ему протоколовъ слѣдствія и до конца суда, производимаго въ канцелярской тайнѣ, безъ непосредственнаго знакомства не только со свидѣтелями по дѣлу, но и съ самимъ подсудимымъ, онъ не зналъ объ ожидавшей его участи. Эта участь рѣшалась приговоромъ связанныхъ въ своемъ сужденіи судей, не имѣвшихъ, ни права, ни возможности доискиваться въ дѣлѣ не приказной, а доступной вообще человѣческому пониманію правды. Вопіющіе недостатки такого порядка вещей долгое время не привлекали къ себѣ вниманіе законодателя и мало интересовали науку, которая, брезгливо отворачиваясь отъ дѣйствительности, уходила вглубь вѣковъ, изощряясь въ изслѣдованіяхъ о кунахъ и вирахъ по Русской Правдѣ или раболѣпно пѣла дифирамбы нашему судопроизводству. Такъ, до работъ комиссіи подъ предсѣдательствомъ графа Блудова въ половинѣ пятидесятихъ годовъ, было лишь двѣ попытки улучшенія уголовного процесса—въ 1826 году въ запискѣ статсъ-секретаря Балугьянскаго и въ 1836 году—въ запискѣ Дашкова, при чемъ обѣ записки по надлежащемъ разсмотрѣніи были одобрены и... сданы въ архивъ. Въ автобіографической запискѣ къ столѣтію Московскаго университета, профессоръ, читавшій уголовное судопроизводство, заявлялъ, что главною задачею своего преподаванія съ 1838 по 1855 годъ, онъ полагалъ утверженіе въ своихъ слушателяхъ глубокаго уваженія къ отечественнымъ постановленіямъ по преподаваемому имъ предмету. Не существовало и руководство для производства слѣдственныхъ дѣйствій, кромѣ изданнаго въ 1833 году приставомъ уголовныхъ дѣлъ при Московской Уголовной Палатѣ Орловымъ „опыта краткаго руководства для произведенія слѣдствій“. Эпиграфъ этой книги: „Въ чемъ застану—въ томъ и сужду“ и вступленіе: „Уголовные законы наши, опредѣляя преступленіе и присуждая къ наказанію за оное въ духѣ человѣколюбія, соединеннаго съ истинною справедливостью, предписываютъ лишь нѣкоторыя различія относительно лица и состоянія преступника“—достаточно характеризуютъ содержаніе ея и степень критическаго анализа существующихъ постановленій. Когда же Н. И. Стояновскій въ 1850 году приготовилъ къ печати „Практическое руководство къ русскому уголовному судопроизводству“, то онъ встрѣтилъ неожиданныя затрудненія: цензоръ нашель эту книгу и излишнею, объяснивъ автору, что если въ его руководствѣ приведено то, что изложено



въ Сводѣ Законовъ,—то къ чему оно?, а если въ немъ содержится то, чего нѣтъ въ Сводѣ, то оно бесполезно, а слѣдовательно и ненужно...

Вторая половина пятидесятихъ годовъ, совпавшая съ новымъ царствованіемъ, ознаменовалась особымъ пробужденіемъ и подъемомъ общественныхъ надеждъ и государственнаго творчества. То, что въ теченіе долгихъ лѣтъ считалось зломъ неизбежнымъ, стало чувствоваться, какъ зло невыносимое. Явилась потребность отъ платоническихъ сожалѣній и юмористическихъ изображеній перейти къ уничтоженію фактическихъ основаній для этого въ дѣйствительности, и къ созданію новаго порядка вещей, соотвѣтствующаго требованіямъ настоящаго правосудія. Удовлетворенія этой потребности въ одинаковой мѣрѣ жаждалъ умъ мыслящихъ людей, отвращавшійся отъ архаической картины судебного устройства, — жаждало и сердце, не могшее мириться съ систематическимъ забвеніемъ о правдѣ, отданной на жертву бездушнымъ хитросплетеніямъ, связаннымъ съ этимъ устройствомъ. Великое дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости неизбежно должно было повлечь за собою реформу суда, городского и земскаго устройства и общую воинскую повинность. Ближайшимъ къ нему звеномъ въ этой цѣпи „великихъ реформъ“ стояло преобразование суда. Оно должно было свершиться всецѣло, безъ полумѣръ и компромиссовъ, предлагаемыхъ осторожными и боязливыми искателями золотой середины. Къ такимъ принадлежалъ, въ свое время, занимавшій высокое официальное положеніе и пріобрѣтшій почти непререкаемый авторитетъ въ дѣлахъ законодательства графъ Блудовъ, составившій въ началѣ пятидесятихъ годовъ проектъ, своеобразно выражавшій его взгляды на условія и границы судебной реформы, въ чемъ она могла касаться уголовного процесса. Исходя изъ мысли, что внезапное введеніе новаго судебного устройства, безъ предварительнаго къ тому приготовленія легко можетъ повести къ весьма нежелательнымъ результатамъ, графъ Блудовъ заявлялъ себя поборникомъ слѣдственнаго начала и, относясь скептически къ началу обвинительному, предлагалъ улучшить существующее судопроизводство введеніемъ одиннадцати правилъ, „имѣющихъ цѣлью, какъ огражденіе подсудимыхъ отъ напрасныхъ притѣсненій, такъ и доставленіе имъ дѣйствительныхъ и надежныхъ средствъ законной защиты“. Правила эти сводились, главнымъ образомъ, къ улучшенію учрежденія „депутатовъ“ при слѣдствіи; къ установленію права отвода свидѣтелей; къ сообщенію обвиняемому матеріала, собраннаго противъ него по слѣдствію, съ окончательнымъ допросомъ его въ присутствіи родственниковъ, знакомыхъ, друзей или одного изъ состоящихъ при судѣ присяжныхъ повѣренныхъ; къ допущенію подсудимаго не только присутствовать при докладѣ дѣла, совершаемаго съ нѣкоторою публичностью, но и, защищаясь письменно черезъ присяжныхъ повѣренныхъ, лично выслушивать объявленіе приговора съ правомъ подавать противъ него отзывы и дополнительные объясненія. Духъ времени, могущественно расширявшій въ первые годы царствованія Императора Александра II законодательные и правовые горизонты, повліялъ, однако, и на престарѣлаго главу второго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи и въ теченіе 1860 и 1861 годовъ въ Государственный Совѣтъ былъ внесенъ составленный въ этомъ отдѣленіи, при дѣятельномъ участіи С. И. Заруднаго и подъ его вліяніемъ,



проектъ Устава Уголовнаго Судопроизводства, сопровождаемый весьма цѣнной объяснительной запиской графа Блудова. Намѣченный въ ней рѣшительный разрывъ со старымъ былъ сочувственно встрѣченъ Государственнымъ Совѣтомъ и 29-го сентября 1869 года были обнародованы Основныя Положенія новыхъ началъ Уголовнаго Судопроизводства. Въ нихъ было твердо проведено отдѣленіе власти судебной отъ административной, отвергнуто оставленіе въ подозрѣніи, провозглашена публичность судебныхъ засѣданій, ограничено число инстанцій двумя, разграничена дѣятельность полиціи по дознанію и судебного слѣдователя по производству слѣдствія введена опредѣленная градація мѣръ пресѣченія, установленъ обрядъ преданія суду, найдены необходимыми судебныя пренія, при чемъ прокурору придано значеніе представителей особой обвинительной власти, отдѣленной отъ судебной, намѣченъ кассационный порядокъ обжалованія, взамѣнъ ревизіоннаго и, наконецъ, найдено допустимымъ, желательнымъ и цѣлесообразнымъ введеніе у насъ присяжныхъ.

Соображенія, приведшія къ Основнымъ Положеніямъ, были результатомъ долгихъ словесныхъ преній и особой законодательной полемики, развившейся подъ вліяніемъ ряда записокъ, поступавшихъ отъ судебныхъ дѣятелей, „свлекшихъ съ себя ветхаго Адама“ и стремившихся содѣйствовать своимъ опытомъ и практическими соображеніями судебному обновленію Россіи. Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ представляли цѣлые трактаты, не утратившіе своего значенія и до настоящаго времени. Были между ними и своего рода курьезы, въ родѣ, на примѣръ, предположеній обязать присяжныхъ засѣдателей составлять письменное мотивированное рѣшеніе или предложенія установить особую плату на билеты въ публичныя засѣданія суда въ пользу богоугодныхъ заведеній. Но въ общемъ записки эти свидѣтельствовали о пробужденіи правового чувства и юридической мысли. Составители Основныхъ Положеній, какъ и вообще „отцы Судебныхъ Уставовъ“, распались на четыре главныя группы. Первую составляли чистые теоретики, вносившіе въ свои предложенія строго логическіе выводы, построенные на отвлеченныхъ политико-юридическихъ принципахъ; ко второй принадлежали подражатели, стремившіеся, безъ серьезной критики, перенести на нашу почву цѣликомъ западно-европейскіе порядки, предлагая преимущественно французскіе образцы съ большею или меньшею примѣсью англійскихъ судебныхъ обычаевъ. Представителями третьей группы были люди, не рѣшавшіеся сразу оторваться отъ существующихъ уже учрежденій и пріемовъ судопроизводства и желавшіе медленнаго, осторожнаго и постепеннаго перехода отъ стараго къ новому. Наконецъ, четвертая группа заключала въ себѣ практическихъ судебныхъ дѣятелей, желавшихъ полного обновленія стараго судебного строя, для разрыва съ которымъ они черпали основанія не изъ теоретическихъ соображеній или слѣпой подражательности, но изъ знанія русской жизни въ ея судебно-бытовыхъ проявленіяхъ и изъ довѣрія къ умственнымъ и нравственнымъ силамъ народа, способнаго къ воспрятію новыхъ началъ судопроизводства.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что главнѣйшіе принципиальные вопросы не возбуждали рѣзкихъ разногласій. Освобожденіе суда отъ вмѣшательства администраціи, введеніе судебного состязанія, расширеніе и улучшеніе уже дѣй-

ствовавшего съ 1860 года Наказа судебнымъ слѣдователямъ, устраненіе медленности путемъ сокращенія судебныхъ инстанцій—объединяли во взглядахъ большинство дѣятелей, привлеченныхъ къ судебной реформѣ. Разногласія касались подробностей и разности надеждъ на практической успѣхъ того или другого преобразованія. Но былъ вопросъ, рѣзко раздѣлившій созидателей Судебныхъ Уставовъ на два лагеря еще въ періодъ составленія Основныхъ Положеній. Это былъ судъ присяжныхъ. Главнымъ противникомъ его былъ графъ Блудовъ и вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторые изъ представителей бюрократической Россіи, для которыхъ самая идея о судѣ присяжныхъ, наметковъ на который нельзя было найти ни въ Сводѣ, ни даже въ Полномъ Собраніи Законовъ и введеніе котораго въ Западной Европѣ совпадало съ періодами большихъ политическихъ потрясеній,—должна была представляться беспочвеннымъ и опаснымъ новшествомъ. Графъ Блудовъ сознавалъ неизбежную альтернативу между судомъ по предустановленнымъ доказательствамъ и судомъ присяжныхъ, но и обвинительное начало, и эта форма суда казались ему преждевременными. „Надлежитъ-ли, спрашивалъ гр. Блудовъ,—для отвращенія недостатковъ дѣйствующаго суда, прямо перейти къ принятой въ западныхъ государствахъ системѣ обвинительной или, по крайней мѣрѣ, слѣдственно обвинительной? Сколь ни желательно было-бы воспользоваться вдругъ всѣми усовершенствованіями, до которыхъ другіе народы дошли путемъ долговременныхъ постепенныхъ преобразованій, однакожь прежде нежели рѣшиться на какое-либо коренное измѣненіе, должно тщательно обозрѣть и взвѣсить имѣющіяся къ тому средства, дабы, предпринявъ слишкомъ много, не повредить дѣлу. Несмотря на всѣ преимущества обвинительной системы,—она до такой степени различествуетъ отъ существующаго нынѣ порядка, что внезапное введеніе оной, безъ предварительнаго къ нему приготовленія—и въ народѣ, и въ самыхъ правительственныхъ установленіяхъ, легко можетъ, вмѣсто усовершенствованія сей части, повести къ столкновеніямъ, запутанности и удалить насъ отъ желанной цѣли“. Изъ этихъ словъ выясняется взглядъ Блудова на судъ присяжныхъ. „Въ настоящее время, писалъ онъ въ своей запискѣ,—едва-ли полезно устанавливать у насъ судъ черезъ присяжныхъ. Легко себѣ представить дѣйствіе такого суда, когда большая часть нашего народа не имѣетъ еще не только юридическаго, но даже самаго первоначальнаго образованія, когда понятіе о правѣ, обязанностяхъ и законѣ до того не развиты и нелѣпы, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, иныя преступленія удалствомъ, а преступники—только несчастными. Допущеніе такихъ людей къ рѣшенію важнаго, иногда, чрезвычайно труднаго вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, угрожаетъ не одними неудобствами, но едва-ли и не прямымъ беззаконіемъ. Конечно, могутъ сказать, что для полученія убѣжденія о винѣ или невинности подсудимаго, не нужно особое образованіе и достаточно одного здраваго смысла. Дѣйствительно, здравый смыслъ иногда вѣрнѣе учености; но здравый смыслъ обыкновеннаго человека ограничивается тѣснымъ кругомъ его общественной жизни и ежедневнаго положенія: онъ рѣдко и съ трудомъ достигаетъ предметовъ, выходящихъ изъ его круга. Не трудно за-



ключить о винѣ или невинности подсудимаго, когда для него есть въ виду положительныя, такъ сказать, осязаемыя доказательства и данныя; но въ большей части случаевъ, къ сему заключенію можетъ довести только внимательное соображеніе многихъ обстоятельствъ и высшая способность къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ: для него уже одного здраваго смысла далеко недостаточно“. Это мнѣніе Блудова встрѣтило поддержку въ нѣкоторыхъ ученыхъ работахъ, проникнутыхъ пессимизмомъ по отношенію къ правовому чувству русскаго народа, между прочимъ въ публичныхъ лекціяхъ Спасовича и во мнѣніи авторитетнѣйшихъ представителей старой судебной практики. Такимъ былъ, между другими, извѣстный сенаторъ Карніолинъ-Пинскій, впослѣдствіи первый предсѣдатель нашего уголовного кассационнаго суда. „Присяжныхъ, присяжныхъ и присяжныхъ! — писалъ онъ—вотъ крики, съ нѣкотораго времени летящіе со всѣхъ сторонъ нашего дорогого отечества. Во всѣхъ этихъ крикахъ мало смысла, хотя много увлеченія и еще болѣе подражанія. Закричалъ одинъ, какъ не заревѣтъ другому?! Разсудительные люди не кричатъ: они увѣрены, что все доброе и полезное насъ не минуетъ, а блестящаго, но сомнительнаго хотя бы и не бывало“... Наконецъ, высказывалось мнѣніе, стоящее на совѣтѣ другой почвѣ и съ неменьшею силою направленное противъ призванія къ дѣлу суда представителей общественной совѣсти. Судъ присяжныхъ — говорили представители этого мнѣнія—есть учрежденіе политическое и по своему происхожденію и по своему характеру. Онъ—одно изъ звеньевъ въ цѣлой цѣпи государственныхъ учрежденій западнаго образца, не имѣющихъ ничего общаго съ самодержавнымъ строемъ Россіи. Такой взглядъ, повидимому опиравшійся на исторію, могъ стать могущественнымъ средствомъ въ рукахъ противниковъ суда присяжныхъ, ибо указывалъ на будущую опасность отъ введенія этого суда не только для правильнаго отправленія правосудія, но и для цѣлесообразнаго устройства и дѣйствія всего государственнаго организма, построеннаго на абсолютно монархическихъ началахъ.

Противъ всѣхъ этихъ возраженій выступили въ своихъ трудахъ и подготовительныхъ работахъ—Зарудный („Общія соображенія о составѣ суда уголовного“ и „о специальныхъ присяжныхъ въ Англіи, Франціи и Италіи“), Ровинскій (Записка объ устройствѣ уголовного суда) и Буцковскій, (Особая записка о судѣ присяжныхъ). Зарудный, указывая, что правосудіе въ широкомъ смыслѣ требуетъ не только твердости и непреклонности рѣшеній, но и глубокаго знанія всѣхъ мелочей обыденной жизни, доказывалъ, что въ такой постановкѣ суда нѣтъ ничего противнаго началамъ монархическаго правленія. Прослѣдивъ развитіе суда присяжныхъ въ западной Европѣ и измѣненіе взглядовъ на него въ наукѣ и въ средѣ самихъ правительствъ, Зарудный настаивалъ, что эта форма суда не только представляетъ лучшій судебный методъ, но и является прекраснымъ средствомъ въ рукахъ каждаго правительства, независимо отъ формы правленія, для огражденія себя отъ нравственной отвѣтственности за ошибки зависимыхъ отъ него по службѣ прямо или косвенно судей, впадающихъ въ рутину и равнодушіе. Опровергая Блудова, Ровинскій горячо и образно, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій, разъяснялъ истинный смыслъ отношенія народа къ пре-



ступнику, какъ къ несчастному, вызываемый отсутствіемъ довѣрія къ добросовѣстности полиціи, производящей слѣдствіе, къ правосудію судей, связанныхъ предустановленными доказательствами,—и глубокимъ состраданіемъ къ человѣку, искупающему свою вину годами предварительнаго заключенія, плетью, каторгой и ссылкой. „За это состраданіе—писаль онъ—слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ глубокое нравственное достоинство, нежели обвинять его въ недостатокѣ юридическаго развитія. Онъ не отрицалъ указываемаго Блудовымъ отсутствія или полнаго неразвитія въ народѣ чувства законности, но признавалъ, что это печальное явленіе коренится въ томъ, что общественное мнѣніе у насъ еще совѣмъ не сложилось и самая попытка его проявленія въ предшествующее время преслѣдовалась наравнѣ со скопомъ и заговоромъ. Необходимо предоставить обществу разбирать и осуждать поступки своихъ членовъ: посредствомъ такого суда правительство сольетъ свои интересы съ нуждами общества. „Говорятъ—писаль онъ,—что введеніе присяжныхъ у насъ преждевременно, что народу и обществу предстоитъ прежде всего юридическое развитіе и выработка способности къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ. Я-же, напротивъ, убѣжденъ, что такой судъ—гласный и уважаемый—долженъ предшествовать всякому юридическому развитію и общества, и самихъ судей,—и что только въ немъ народъ научится правдѣ и перестанетъ считать преступленіе противъ собственности за самое обыкновенное дѣло“. Наконецъ, и Ровинскій и Буцковскій указывали, что само правительство вынуждено устроить рядомъ со своимъ формальнымъ короннымъ судомъ судъ общественный, предоставивъ мѣщанскимъ обществамъ и другимъ податнымъ сословіямъ разнообразныя права по суду надъ своими порочными членами и установивъ въ уставѣ о рекрутской повинности призывъ двѣнадцати человѣкъ изъ общества, къ которому принадлежитъ членовредитель, для разрѣшенія вопроса о намѣреніи послѣдняго избѣжать рекрутства. Въмѣстѣ съ тѣмъ Ровинскій указывалъ на господство общественнаго элемента въ только что учрежденномъ для временно обязанныхъ крестьянъ волостномъ судѣ. Со своей стороны Буцковскій, считая, что цѣль правосудія достигается раздѣленіемъ между независимыми другъ отъ друга судьями задачъ опредѣленія виновности подсудимаго и назначенія ему наказанія, утверждалъ, что эта цѣль лучше всего можетъ быть достигнута учрежденіемъ суда присяжныхъ. Отдѣленіе вопросовъ факта и права, не налагая тяжкихъ испытаній на чувство судей существа дѣла, даетъ имъ возможность руководствоваться исключительно голосомъ правды и очевидностью, а судьямъ, налагающимъ наказаніе, дастъ возможность спокойно примѣнять законную кару къ установленной виновности, слѣдуя лишь своему долгу и побужденію справедливаго человѣколюбія. „Если главная цѣль уголовного суда есть примѣненіе кары къ основанной на здоровомъ сужденіи оцѣнкѣ дѣйствій и побужденій подсудимаго, писалъ онъ—то надо признать, что наглядная непосредственность сужденія во многихъ случаяхъ вѣрнѣе ученыхъ и тонкихъ анализовъ. А это сужденіе составляетъ принадлежность выборныхъ по жребію изъ всѣхъ слоевъ общества судей, которые въ качествѣ присяжныхъ, являются лучшими примирителями требованій правды съ дѣйствительною жизнью“. Историкъ судебной реформы съ глубокимъ уваже-

ніемъ долженъ вспомнить эту борьбу мнѣній, въ основѣ которой лежала сознательная и твердая вѣра въ то, что только что вышедшій изъ рабства русскій человѣкъ, призванный въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, пойметъ и свою роль и великодушно возлагаемая на него надежды. Имена Буцковскаго, Заруднаго и Ровенскаго не могутъ, не должны быть забыты наравнѣ съ именами главныхъ дѣятелей по выработкѣ положенія 19-го февраля 1861 года — Великаго князя Константина Николаевича, Николая Милютина, князя Черкаскаго и Самарина и ихъ вдохновительницы Великой княгини Елены Павловны. Государственный Совѣтъ принялъ почти всѣ предложенія, кореннымъ образомъ измѣнявшія нашъ уголовный процессъ, и умѣлъ раздѣлить точку зрѣнія сторонниковъ суда присяжныхъ.

Основные Положенія были переданы для разработки въ особую Редакціонную Комиссію подъ предсѣдательствомъ Государственнаго секретаря Буцова, двинувшаго дѣло быстро, настойчиво и энергично. Поставленная внѣ зависимости отъ какого либо вѣдомства, Комиссія состояла изъ наиболѣе выдающихся судебныхъ дѣятелей и ученыхъ юристовъ того времени. Уголовное отдѣленіе ея собиралось подъ предсѣдательствомъ Н. А. Буцковскаго, а однимъ изъ дѣятельныхъ ея членовъ былъ будущій оберъ-прокуроръ уголовного кассационнаго департамента М. Е. Ковалевскій. Оба они были призваны по введеніи Судебныхъ Уставовъ въ дѣйствіе положить—первый въ своихъ рѣшеніяхъ и сочиненіяхъ, а второй въ своихъ заключеніяхъ—практическія основы кассационной дѣятельности, столь новой тогда и столь необходимой при томъ значеніи, которое пріобрѣтали формы и обряды уголовного процесса и правильное толкованіе закона при введеніи суда по внутреннему убѣжденію вообще суда присяжныхъ въ особенности. Инженеръ по мѣсту воспитанія учитель математики и бухгалтеріи, Буцковскій, перейдя на службу въ Министерство Юстиціи, пытливымъ умомъ и съ жаждою знаній погрузился въ изученіе иностранной юридической литературы и судебныхъ учрежденій и, тутъ, съ особой ясностью, увидѣлъ и понялъ всѣ недостатки нашего уголовного процесса. Назначенный въ началѣ пятидесятихъ годовъ на постъ оберъ-прокурора одного изъ московскихъ департаментовъ Сената, доставшійся ему по праву необыкновеннаго трудолюбія и выдающихся способностей, онъ на себѣ испыталъ косность и отсталость нашего процесса и трудность влітія въ его мертвящіе формальные берега струи дѣйствительнаго правосудія. Его трудамъ обязанъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства точною, сжатою редакціею своихъ статей, почти всецѣло усвоенною Государственнымъ Совѣтомъ. Принимая оживленное участіе въ спорахъ по выработкѣ тѣхъ или другихъ положеній новаго процессуальнаго порядка, Буцковскій взялъ на себя роль безпристрастнаго историка всѣхъ преній и изложилъ окончательные результаты ихъ въ блестяще составленной объяснительной запискѣ къ проекту Устава Уголовнаго судопроизводства. Эта записка не только представляетъ замѣчательный историко-юридическій трудъ, но и до сихъ поръ не утратила значенія и какъ превосходное изложеніе различныхъ точекъ зрѣнія на сущность процессуальныхъ приемовъ и ихъ внутренней смыслъ. Она служитъ также показателемъ свѣтлаго настроенія, исполненнаго довѣрія къ живой воспріимчивости и способностямъ русскаго народа,—настроенія, которымъ были проникнуты, даже расходясь въ частно-



ствяхъ, тѣ, кому выпала счастливая доля работать надъ судебнымъ законодательствомъ съ вѣрою, что указанія на его улучшенія дѣйствительно войдутъ въ жизнь, а не прозвучать лишь какъ vox clamantis in deserto... Работаь Комиссіи, въ особенности, содѣйствовалъ своими записками и мнѣніями, энергической и подвижной московскій губернскій прокуроръ Д. А. Ровинскій, глубокой знатокъ народной жизни, свойствъ и вкусовъ русскаго человѣка, перестрадавшій на опытѣ и въ близкомъ соприкосновеніи съ темныя стороны нашего суда, тюремнаго дѣла, полицейской „распорядительности“ и генераль-губернаторскаго „усмотрѣнія“. Онъ внесъ въ свои работы по судебному преобразованію не только богатый фактической матеріаль, не только вдумчивость своего ума и чуткость своего сердца, но и настойчивое стремленіе кореннымъ образомъ обновить и облагородить нашъ судебный строй, связавъ его со всѣмъ лучшимъ, что дало народному быту упраздненіе крѣпостного права.

Уголовное отдѣленіе въ теченіи пяти съ половиною мѣсяцевъ имѣло восемьдесятъ девять засѣданій и тридцатаго іюня 1863 года окончило свои занятія. Въ занятіяхъ этихъ оно шло шагъ за шагомъ за статьями Основнаго Положенія, разработывая и развивая каждую изъ нихъ въ рядѣ новыхъ постановленій, проникнутыхъ почерпнутою изъ нея руководящей идеей. Но былъ впрочемъ вопросъ, который смущалъ членовъ Уголовнаго отдѣленія несмотря на широту ихъ взглядовъ. Они привѣтствовали упраздненіе системы предустановленныхъ доказательствъ и замѣну ея внутреннимъ убѣжденіемъ судей. Однако, крутой переходъ отъ заранѣе измѣренныхъ и взвѣшенныхъ, по разъ навсегда данному обязательному рецепту, доказательствъ къ полному отсутствію какихъ-либо правилъ о послѣднихъ казался имъ невозможнымъ. Ихъ смущалъ этотъ „прыжокъ въ неизвѣстность“, могущій, казалось имъ, подорвать увѣренность въ правосудномъ, въ мѣру человѣческаго разумѣнія, рѣшеніи дѣлъ судьями и въ особенности присяжными засѣдателями. Въ этомъ выражался неокончательно пережитый старый взглядъ на силу доказательствъ, отразившійся въ свое время и на статьѣ 8-ой Основныхъ Положеній, говорившей о „правилахъ служащихъ руководствомъ при опредѣленіи вины или невинности подсудимыхъ по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія“. Въ Комиссіи возникли обширныя пренія и разногласія по вопросу о необходимости установленія такихъ правилъ для оцѣнки и опредѣленія силы доказательства. Въ концѣ концовъ всѣ сошлись на томъ, что вводить эти правила въ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства не представляется основаній, но что, однако, необходимо составить обдуманнй сводъ ихъ, изложенный въ особомъ Наставленіи, которое не стѣсняло-бы совѣсть судей и присяжныхъ въ оправданіи или обвиненіи подсудимаго по внутреннему ихъ убѣжденію, но служило бы лишь облегченіемъ для тщательнаго соображенія ими обстоятельствъ дѣла. Поэтому, послѣ довольно обостренныхъ преній, Уголовнымъ отдѣленіемъ было выработано такое Наставленіе, которое должно было быть приложено къ Уставу Уголовнаго Судопроизводства и содержать въ себѣ правила о судебныхъ доказательствахъ вообще и въ частности о доказательствахъ посредствомъ осмотра и

удостоверенія свѣдующихъ людей, о доказательствахъ посредствомъ свидѣтелей и посредствомъ уликъ, о письменныхъ доказательствахъ и наконецъ о доказательствахъ, основанныхъ на признаніи подсудимаго. Государственный Совѣтъ отвергъ, однако, эти правила, признавъ, что часть ихъ относительно источника доказательства должна найти себѣ мѣсто въ постановленіяхъ, опредѣляющихъ условія и порядокъ производства дѣлъ, оцѣнка-же силы и значенія доказательствъ, въ видѣ совѣтовъ, преподаваемыхъ присяжнымъ, должна составить обязанность предсѣдательствующаго судьи. Вслѣдствіе этого 71 ст. Основныхъ положеній, говорящая о томъ, что предсѣдатель суда по окончаніи преній излагаетъ вкратцѣ существо дѣла и представленныя въ пользу и противъ обвиняемаго доказательства, вылилась въ 801 ст. Устава Уголовнаго Судопроизводства, на основаніи которой предсѣдатель объясняетъ присяжнымъ не только существенныя обстоятельства дѣла и законы, относящіеся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго преступнаго дѣянія, но и общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ, приведенныхъ противъ и въ защиту подсудимаго.

Изъ вопросовъ, возникавшихъ въ Уголовномъ отдѣленіи и вызывавшихъ характерныя по содержанію и по принятому окончательному выводу разномыслия, наибольшаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которые не были разъяснены въ опредѣленномъ смыслѣ Основными Положеніями. Таковъ былъ вопросъ объ огражденіи правильности содержанія подъ стражей, нашедшій себѣ окончательное разрѣшеніе въ принятыхъ Государственнымъ Совѣтомъ статьяхъ: 9-ой, 10-ой и 11-ой Устава Уголовнаго Судопроизводства. Меньшинство членовъ находило, что ни судьямъ, ни прокурорамъ не можетъ быть предоставлено ни въ какомъ случаѣ право освобождать арестантовъ независимо отъ производства дѣлъ о нихъ. Но, большинство было иного взгляда. Оно находило, что всякое произвольное задержаніе кого-либо не подлежащую властью, равно и задержаніе въ частномъ домѣ, сараѣ, подвалѣ и вообще въ иномъ мѣстѣ, кромѣ тѣхъ, которые опредѣлены для этого по закону, составляетъ преступное насиліе противъ личности гражданъ, почему обязанность пресѣкать подобное насиліе должна лежать безразлично на каждомъ судѣ или лицѣ прокурорскаго надзора, имѣющемъ къ тому возможность. На возраженіе, что нѣтъ надобности особо упоминать о пресѣченіи преступнаго лишенія свободы, такъ какъ обязанность такого пресѣченія лежитъ не только на всѣхъ должностныхъ, но и на частныхъ лицахъ, члены большинства отвѣчали, что „хотя по смыслу дѣйствующихъ законовъ, на каждомъ частномъ лицѣ дѣйствительно лежитъ обязанность пресѣкать преступленія, но подъ вліяніемъ различныхъ условій, обязанность эта почти никогда не осуществляется на практикѣ. Всѣмъ извѣстно равнодушіе и даже отчужденіе нашего общества въ дѣлѣ суда и полиціи; всѣмъ извѣстно, какъ трудно бываетъ пріискать свидѣтелей преступленія, такъ какъ всякій старается избѣжать непріятности быть привлеченнымъ къ суду и слѣдствію. Если подобное уклоненіе проявляется въ случаяхъ важныхъ, и такъ сказать осязательныхъ преступленій, то его слѣдуетъ опасаться тѣмъ болѣе въ случаяхъ неправильнаго задержанія, жестокаго по своему существу, но не столь ужаснаго по своимъ внѣшнимъ признакамъ. Притомъ нельзя не замѣтить, что подъ вліяніемъ вѣко-



выхъ злоупотребленій задержаніе частныхъ лицъ внѣ законнаго порядка сдѣлалось у насъ обыденнымъ явленіемъ, не возбуждающимъ ни особеннаго ропота, ни особеннаго негодованія. До сей поры правомъ задержанія пользовались не только всякая власть и всякое начальство, но и частныя лица, занимавшія выгодное положеніе въ обществѣ. Судебная реформа должна положить предѣлъ подобному произволу". Таковъ былъ, затѣмъ, вопросъ о допущеніи защиты обвиняемыхъ на предварительномъ слѣдствіи и о допущеніи гласности при производствѣ послѣдняго. Комиссія нашла, что такая гласность представляется самымъ дѣйствительнымъ средствомъ въ смыслѣ огражденія лица, подвергшагося преслѣдованію, отъ злоупотребленій и увлеченій слѣдователя,—для явки нерѣдко такихъ свидѣтелей, которые слѣдователю и неизвѣстны и, наконецъ, для устраненія несправедливыхъ нареканій на добросовѣстныхъ слѣдователей и для предупрежденія возможности голословнаго отказа подсудимыхъ отъ сдѣланнаго ими признанія преступленія. Впрочемъ, сама Комиссія сознавала практическія затрудненія и процессуальныя неудобства, вызываемыя этимъ предположеніемъ, ибо ею-же проэктировалось право слѣдователя устранять гласность, когда это окажется необходимымъ, лишь отмѣтивъ о побудительныхъ къ тому причинахъ въ протоколѣ. Въ виду этого, Государственному Совѣту не представилось затрудненій совершенно устранить гласность при производствѣ предварительнаго слѣдствія, и послѣдующія карательныя статьи нашего Уложенія о наказаніяхъ пошли еще дальше, воспретивъ, до судебного разбирательства, оглашенія данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ. Допущеніе защиты обвиняемаго въ принципѣ было признано въ Комиссіи необходимымъ, какъ одинаково полезное не только для привлеченнаго, но и для самого слѣдователя. Но въ условіяхъ допущенія защитника мнѣнія раздѣлились. Одни находили, что допущеніе неограниченнаго выбора защитниковъ можетъ вредить успѣху слѣдствія, допустивъ вторженіе въ него злоупотребленій со стороны мелкихъ ходатаевъ, не брезгающихъ никакими способами для сокрытія истины ради собственной выгоды. Поэтому защитниками могли-бы быть лишь присяжные повѣренные и мировые судьи. Другіе предлагали уполномочить слѣдователей на устраненіе тѣхъ защитниковъ, которые будутъ ими признаны недостаточно благонадежными или навлекутъ на себя подозрѣніе въ противодѣйствіи къ открытію истины, о чемъ должно быть объяснено въ особомъ протоколѣ. Большинство находило, что никакихъ ограниченій въ выборѣ защитника и въ установленіи права слѣдователя по личному усмотрѣнію, трудно подлежащему провѣркѣ, устранять такового не должно быть и что поэтому обвиняемый, которому при самомъ началіи слѣдствія объявляется о его правѣ имѣть защитника, можетъ выбрать каждое лицо, которому не воспрещено ходатайство по чужимъ дѣламъ. Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія приводилось оригинальное соображеніе о томъ, что въ Россіи менѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ можно опасаться вреда отъ защиты при слѣдствіи, такъ какъ и при старомъ порядкѣ судопроизводства уже существовали зачатки защиты въ видѣ депутатовъ отъ вѣдомствъ или сословій. Депутаты эти могли-бы быть столь-же опасны, какъ и предлагаемые на будущее время защитники, ибо они, какъ извѣстно, назначаются далеко не всегда изъ самыхъ благонадеж-

ныхъ людей,—однако, практика не видѣла отъ нихъ никакого вреда, а для одного изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Россіи, населеннаго людьми, прошедшими, такъ сказать, черезъ огонь и воду, Сибирскимъ комитетомъ было постановлено, что выборъ депутата въ Амурской области представляется тому лицу, интересы котораго онъ долженъ защищать. Государственнымъ Совѣтомъ, однако, не было раздѣлено ни одно изъ этихъ трехъ мнѣній.

Въ связи съ гласностью при производствѣ предварительнаго слѣдствія находится и вопросъ о гласности, т. е. собственно о публичности судебныхъ засѣданій. Признавая эту публичность, согласно съ указаніями статьи 7 Основныхъ Положеній, за коренное начало новаго судопроизводства, Комиссія остановила свое вниманіе на случаяхъ разсмотрѣнія судомъ дѣлъ „о распространеніи вредныхъ ученій“ и пришла къ выводу, что и по дѣламъ этого рода никакое изъятіе изъ коренного начала допускаемо быть не можетъ. „Если-бы судъ—разсуждала она—служилъ первоначальнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ мѣстомъ оглашенія вредныхъ ученій, то гласное обсужденіе преступленій этого рода дѣйствительно могло-бы произвести нѣкоторый соблазнъ въ средѣ присутствующихъ лицъ. Но вредныя ученія подвергаются разсмотрѣнію суда уже въ то время, когда они успѣли болѣе или менѣе проникнуть въ общество двумя только возможными къ тому путями—словесною пропагандою или чрезъ печатное слово. Распространители ихъ являются передъ судомъ не для своего торжества, но для обличенія проповѣданной ими лжи. Самымъ дѣйствительнымъ оружіемъ противъ вредныхъ ученій будетъ всегда не тщательное сокрытіе ихъ въ тайнѣ, а обличеніе здравою критикою. Съ этой точки зрѣнія, приговоръ суда есть та же критика, но еще болѣе вліятельная, такъ какъ она исходитъ отъ имени законной и всѣми уважаемой власти, которая, порицая самое ученіе, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ и отвѣтственность лицъ, его распространявшихъ. Тайный судъ способенъ только дать вредному ученію большее, противъ дѣйствительности, значеніе. Онъ можетъ совершенно неправильно навести на мысль, что общество страшится вреднаго ученія и признаетъ себя безсильнымъ для гласнаго его обсужденія. Любопытство и стремленіе признать преслѣдуемая теоріи являются только при келейномъ разборѣ этихъ преступленій. Поэтому надо отнять у нихъ столь привлекательные и заманчивые атрибуты таинственности.“— Государственный Совѣтъ въ четырехъ пунктахъ статьи 620 и въ ст. 1056 Уст. Угол. Суд. раздѣлилъ этотъ взглядъ, подвергшійся въ послѣдствіи рѣзкой критикѣ и устраненію практическаго его осуществленія. Не малое разногласіе въ комиссіи возбуждалъ и порядокъ преданія суду. Одни находили, что по дѣламъ, подлежащимъ суду присяжныхъ засѣдателей, обвинительные акты прокурорскаго надзора могутъ быть обжалованы обвиняемымъ предъ Судебною Палатою въ случаяхъ неточнаго изложенія обстоятельствъ дѣла, неполноты слѣдствія и непринятія во вниманіе законныхъ причинъ къ прекращенію или пріостановленію производства. Большинство считало возможнымъ допустить преданіе суду черезъ Палату „лишь въ тѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, когда противъ обвиняемаго нѣтъ положительныхъ и явныхъ уликъ, свидѣтельскихъ показаній, письменныхъ доказательствъ и собственнаго признанія“. Противъ этого мнѣнія—отзывавшагося устарѣлымъ



взглядомъ на доказательства и чрезмѣрно вводившимъ субъективный элементъ въ обсужденіе необходимости преданія суду,—высказалось четырнадцать членовъ Комиссіи, предлагавшихъ ту редакцію, которая и была принята въ видѣ 518 ст. У. У. С. Государственнымъ Совѣтомъ. Въ смыслъ понятной неприемлимости мнѣній, высказанныхъ въ Редакціонной Комиссіи, можно отмѣтить, напримѣръ, предложеніе установить для совѣщанія присяжныхъ заседателей правило о склоненіи ими своихъ мнѣній къ единогласному рѣшенію съ тѣмъ, что въ случаѣ разногласія они остаются въ комнатѣ, назначенной для совѣщаній, не менѣе двухъ часовъ и если затѣмъ разномысліе не устранится, то вопросы, предложенные имъ, разрѣшаются по большинству голосовъ,—но нельзя не остановиться съ сожалѣніемъ на томъ, что Государственный Совѣтъ отвергъ соображенія Комиссіи объ отмѣнѣ публичнаго исполненія приговора надъ подсудимыми, присужденными къ уголовнымъ наказаніямъ, основанныя на замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ Буцковскимъ. Обрядъ всенароднаго поѣзда осужденнаго на площадь, для выслушиванія приговора у позорнаго столба, представлялся ему бесплодною и безцѣльною жестокостью, утрачивающею всякое значеніе со введеніемъ публичности и торжественности обрядовъ производства суда. „Составляя только окончаніе той драмы, которая происходила на судѣ публично,—говорилъ онъ,—обрядъ позорной казни представитъ народу одно праздное зрѣлище, безъ всякаго поучительнаго значенія. Мало того, послѣ потери своего устрашающаго характера, обрядъ этотъ можетъ подѣйствовать даже вредно на массу народонаселенія, представляя ей позоръ какъ бы единственнымъ наказаніемъ за тяжкія злодѣянія. Конечно, чѣмъ менѣе подавлено въ осужденномъ нравственное чувство, чѣмъ менѣе онъ преступникъ, по ремеслу, тѣмъ положеніе его при исполненіи обряда казни, будетъ мучительнѣе. Но для тѣхъ осужденныхъ, которые при совершеніи своихъ преступленій или руководились одними животными побужденіями, или успѣли убить въ себѣ всякое нравственное чувство, позорный обрядъ не имѣетъ никакого значенія. Такимъ образомъ этотъ обрядъ отягощаетъ участь только тѣхъ осужденныхъ, которыхъ нравственныя силы будутъ и безъ того глубоко потрясены публичнымъ изслѣдованіемъ на судѣ ихъ вины и для которыхъ, такимъ образомъ, вопреки справедливости наказаніе окажется болѣе чувствительнымъ“. Доводы эти не могли, однако, убѣдить Государственный Совѣтъ, и обрядъ публичной казни для лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія продолжалъ существовать до восьмидесятыхъ годовъ, когда, наконецъ, была вполне признана его тягостная ненужность и карательная безцѣльность.

Проектъ Устава Уголовнаго Судопроизводства въ томъ видѣ въ какомъ онъ вышелъ изъ Редакціонной комиссіи, былъ проникнутъ тремя началами, проходившими красною нитью чрезъ всѣ его постановленія и рассужденія, положенныя въ ихъ основаніе. Одно изъ нихъ—отвращеніе къ старому порядку суда, подлежащему отмѣнѣ—и боязнь даже въ какихъ нибудь подрѣбностяхъ вернуться къ нему или напомнить о немъ. Другое—какъ уже было указано—довѣріе къ умственной и нравственной воспримчивости русскаго народа, гарантировавшей, въ глазахъ созидателей Судебныхъ Уставовъ, практическую осуществимость многихъ новшествъ, за которыми не было пред-

шествующаго жизненнаго опыта и которыя не только стояли въ несоотвѣтствіи съ общимъ направлениемъ и методами дѣятельности другихъ органовъ управленія, но и шли съ ними въ разрѣзъ,—и, наконецъ, третье—желаніе, какъ можно прочнѣе обезпечить личность обвиняемаго и подсудимаго отъ произвола и единоличнаго усмотрѣнія. Какъ примѣръ послѣдней особенности можно привести сдѣланное въ Комиссіи предложеніе не давать мировому судѣ права постановленія окончательнаго приговора въ случаяхъ присужденія къ аресту. „Предоставленіе мировому судѣ—говорилось въ этомъ предложеніи—назначать арестъ окончательными приговорами—предастъ всѣхъ безъ различія обвиняемыхъ изъ жителей его участка безграничному произволу и сдѣлаетъ самого судью предметомъ всеобщей ненависти и негодованія, вмѣсто того уваженія, которое онъ безъ сомнѣнія пріобрѣтаетъ, если дѣятельность его будетъ поставлена въ законные и приличные ей предѣлы. Но главная причина, почему арестъ не можетъ быть налагаемъ безотчетными и безконтрольными окончательными приговорами одноличнаго судьи, заключается въ дѣйствительной сущности ареста. Арестъ есть лишеніе свободы—величайшаго блага каждаго гражданина, распоряженіе которымъ нельзя предоставить одноличному мировому судѣ, способному, какъ всякій человѣкъ, увлекаться и страстями, и пристрастіями. Въ случаѣ несправедливости этого наказанія, уже невозможно вознаградить сдѣланное имъ зло. Арестъ есть вычетъ изъ жизни, пополнить который не въ состояніи никакая сила человѣческая. Представлять такое безвозвратное неисправимое наказаніе произволу одного судьи—нѣтъ никакой возможности. Распоряженіе имъ можетъ быть представлено только суду коллегіальному, но никакъ не одному судѣ. Гражданская свобода—такое великое право, которое должно быть ограждено самыми дѣйствительными гарантіями“. Восторженная увѣренность работниковъ Редакціонной Комиссіи въ безповоротномъ наступленіи лучшихъ временъ—и вызываемая ею разносторонность и успѣшность ихъ труда имѣли очень мало общаго съ обычными приемами многихъ послѣдующихъ вѣдомственныхъ комиссій и совѣщаній, лѣнивая и безучастливая работа которыхъ, чуткая лишь къ вождедѣніямъ начальствъ, если и оживлялась иногда, то не сознаниемъ необходимости осуществленія того, что должно быть выработано, а столкновениемъ личныхъ самолюбій. Къ Государственному Совѣту могло быть и по бюрократическому его навыку и по возрасту его членовъ примѣнено изрѣченіе Пушкина о старости, которая „ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ“. Отъ него, конечно, нельзя было ожидать того приподнятаго настроенія, которое царило въ Комиссіи. Вслѣдствіе этого предположенія проэкта подверглись нѣкоторымъ существеннымъ измѣненіямъ. Если Редакціонная Комиссія, заключая свои работы имѣла предъ собою одну лишь картину будущаго суда въ Россіи, то Государственный Совѣтъ видѣлъ картину современнаго ему политическаго и административнаго строя, далеко еще не обновленнаго во всѣхъ своихъ чатсяхъ, между которыми, на примѣръ, отсутствовали еще только намѣченныя земское и городское положенія. Отсюда простекла между прочимъ окончательная редакція примѣчанія къ ст. 1 У. У. С., принятая Государственнымъ Совѣтомъ „для избѣжанія недоразумѣній“.—Отсюда же явился и особый порядокъ судебныхъ преслѣдованій противъ должностныхъ



лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ по службѣ, а вмѣсто намѣченнаго общаго порядка ихъ отвѣтственности, а также ограниченіе подсудности суду присяжныхъ, изъявшее изъ его вѣдѣнія дѣла о государственныхъ преступленіяхъ.

Выработка Судебныхъ Уставовъ и основанная на нихъ судебная реформа были встрѣчены обществомъ и печатью безъ различія направленій съ живымъ интересомъ и безусловнымъ сочувствіемъ. Казалось, что послѣ всѣхъ вопіющихъ недостатковъ стараго суда лишь подъячіе и прочій приказный людъ, кормившійся отъ этихъ недостатковъ, могутъ быть недовольны упраздненіемъ прежнихъ судебныхъ порядковъ и замѣною ихъ новыми. Вскорѣ однако обнаружилось, что признаваемые теоретически безупречными, Судебные Уставы въ ихъ практическомъ примѣненіи вызываютъ противъ себя рядъ нареканий сначала единичныхъ и несмѣлыхъ, а съ теченіемъ времени настойчивыхъ и громогласныхъ. Образовалась постепенно группа лицъ, „потерпѣвшихъ отъ новаго суда“. Однихъ изъ нихъ возмущала гласность судебного производства, столь интересная по отношенію къ другимъ и столь нежелательная и тягостная по отношенію къ себѣ; другіе не могли примириться съ равноправностью предъ судомъ въ ея дѣйствительномъ осуществленіи; третьи не въ состояніи были усвоить себѣ идею кассациі и понять, какъ можно отмѣнять приговоръ или рѣшеніе, не входя въ разсмотрѣніе существа дѣла; затѣмъ были и такіе, которыхъ по разнымъ причинамъ раздражало то, что недавнихъ невидныхъ чиновниковъ, услужливо допускаявшихъ брезгливо — фамильярное съ собою обращеніе, замѣнили люди высшаго образованія съ чувствомъ не только собственнаго достоинства, но и достоинства, носимаго ими званія и присвоенной имъ власти. Наконецъ, и въ разныхъ вѣдомствахъ съ завистливымъ недовольствомъ смотрѣли на права и преимущества лицъ судебного вѣдомства. Одновременно съ этимъ въ правящихъ кругахъ съ трудомъ осваивались съ гарантіями личности по У. У. С. — и со свободою внутренняго убѣжденія представителей общественной совѣсти, диктовавшей имъ рѣшенія, иногда шедшія въ разрѣзъ съ твердо намѣченною въ обвинительномъ актѣ виновностью подъ вліяніемъ непосредственно вынесенныхъ ими изъ судебного разбирательства впечатлѣній и убѣжденій. Несмѣняемость судей, безотвѣтственность присяжныхъ за свои рѣшенія, и послѣдовательно проведенное въ Судебныхъ Уставахъ отдѣленіе судебной власти отъ административной — все это — при наличности стараго бюрократическаго устройства, порядковъ и приемовъ мѣстнаго управленія — создавало изъ Судебныхъ Уставовъ нѣчто чуждое привычному и обычному ходу вещей. Въ этомъ смыслѣ Судебные Уставы являлись похожимъ на то, что у римлянъ называлось „*insula, in fluminae nata*“... Уставъ Гражданскаго Судопроизводства по самому существу своему возбуждалъ меньше нареканий; Учрежденіе Судебныхъ Установленій уже гораздо чаще вызывало указаніе на несоотвѣтствіе его съ условіями и основами освященнаго временемъ государственнаго устройства. Но особо тернистый путь предстоялъ Уставу Уголовнаго Судопроизводства. Ему, во главѣ недовольныхъ новымъ судомъ старался наносить удары, обобщая единичные случаи въ органическое явленіе, вліятельный московскій публицистъ, изъ недавняго теоретическаго друга Судебныхъ Уставовъ ставшій ихъ страстнымъ практическимъ

противникомъ. Ему принадлежали выраженія: „судебная республика“, „судъ улицы“, „антиправительствующій Сенатъ“, которыми онъ пытался заклеить совокупность судебныхъ дѣятелей, судъ присяжныхъ засѣдателей и уголовный кассационный департаментъ Правительствующаго Сената. Такимъ образомъ сложилась по отношенію къ уголовному суду по Судебнымъ Уставамъ та своеобразная бухгалтерія, на основаніи которой въ пассивъ уголовного суда преувеличенно крупнымъ шрифтомъ стали вписываться промахи и неизбѣжныя во всякомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ ошибки и недостатки, а въ активъ ровно ничего не писалось, несмотря на блестящіе и невозможные при прежнемъ судебномъ строѣ примѣры истиннаго и нелицемѣрнаго правосудія. Ко вновь созданнымъ учрежденіямъ и къ ихъ представителямъ были предъявлены самыя чрезмѣрныя требованія непогрѣшимости не только по существу, но и по формѣ, не только въ ходѣ дѣла, но и въ обиходѣ взаимоотношеній. Отсутствіе опыта стало признаваться грубою ошибкою или сознательнымъ нарушеніемъ, неизбѣжное разногласіе — тенденціозностью, дѣйствительные, хотя и естественные въ новомъ дѣлѣ, промахи — преступленіемъ.

Судебные Уставы были выработаны не для пустого пространства: они были созданы требованіями самой жизни, къ ея потребностямъ они и должны были примѣняться. Въ основу многого въ нихъ, какъ уже было замѣчено выше, были вложены широкія и твердыя упованія, но не предшествующій опытъ за невозможностью его полученія и провѣрки. Поэтому обнаруженіе нѣкоторыхъ частичныхъ недостатковъ въ этихъ Уставахъ было не только возможно, но и неизбѣжно. Считать ихъ какою-то окаменѣlostью, застывшею въ своей неподвижности, считать каждую статью въ нихъ за нѣчто непогрѣшимое и неизблѣмое, хотя бы оно шла и въ разрѣзъ съ указаніями жизни — невозможно. Добросовѣстная критика частныхъ могла только содѣйствовать внѣдренію въ общественный и государственный укладъ тѣхъ общихъ началъ, которыя были заложены въ фундаментѣ Уставовъ. Но результаты такой критики могли быть благотворны лишь при соблюденіи уваженія и вниманія къ трудамъ и завѣтамъ составителей Судебныхъ Уставовъ, съ безусловнымъ сохраненіемъ во всемъ новомъ и измѣняемомъ началъ истиннаго правосудія и возвышающей послѣднія челоѣчности. Къ сожалѣнію, это далеко не всегда было соблюдаемо при тѣхъ законодательныхъ мѣрахъ, которыми вносились поправки и дополненія въ Учрежденіе Судебныхъ Установленій и главнымъ образомъ въ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства. Эти мѣры, а также и нѣкоторые проекты таковыхъ, бывшіе близкими къ осуществленію, распадаются на улучшенія, на измѣненія и на искаженія того, что было торжественно провозглашено 20 ноября 1864 года.

Къ первой категоріи, т. е. къ исправленію, можно въ видѣ примѣра отнести, во-первыхъ, законъ 2 іюня 1897 года объ отвѣтственности несовершеннолѣтнихъ, направленный къ тому, чтобы производство суда относительно недостигшихъ полной умственной и физической зрѣлости происходило въ условіяхъ и обстановкѣ, соотвѣтствующихъ особенностямъ возраста обвиняемыхъ и не могущихъ оказать на нихъ неблагопріятнаго вліянія; во-



вторыхъ, изложеніе 523 ст. У. У. С. въ смыслѣ предложенія прокуроромъ всѣхъ заключеній о пріостановленіи или прекращеніи слѣдствій въ Окружный Судъ съ правомъ обжалованія по ст. 528<sup>1</sup>, 528<sup>2</sup>, 528<sup>3</sup> постановленій суда о прекращеніи дѣла потерпѣвшими отъ преступленія и съ предоставленіемъ Судебной Палатѣ, согласно статьи 529<sup>1</sup>, права требовать къ своему разсмотрѣнію дѣло, по которому послѣдовало прекращеніе или пріостановленіе слѣдствія, независимо отъ жалобы потерпѣвшаго лица,—чѣмъ устранена перегрузка обвинительной камеры и медленность производства по прекращенію слѣдствій въ обширныхъ судебныхъ округахъ безъ ущерба для правосудія; въ - треть ихъ, уничтоженіе заявленія не удовольствія на приговоры мировыхъ судей, представлявшаго излишнюю и нецѣлесообразную обрядность при обжалованіи приговоровъ; въ - четверты хъ, установленіе произнесенія оберъ-прокуроромъ уголовного кассационнаго департамента своего заключенія по кассационнымъ жалобамъ, и протестамъ послѣ объясненій участвующихъ въ дѣлѣ, а не до таковыхъ, какъ было постановлено въ 991 ст. У. У. С.,—чѣмъ точно разграничена дѣятельность прокурора—обвинителя отъ его роли юрисконсульта и толкователя закона въ мировомъ сѣздѣ и въ кассационномъ судѣ и исправленъ неправильный взглядъ составителей Судебныхъ Уставовъ на положеніе и задачи оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента; въ - пяти хъ, ограниченіе права отвода присяжныхъ засѣдателей какъ обвинителемъ такъ и подсудимымъ тремя съ каждой стороны, чѣмъ устранялось искусственное образованіе состава присяжныхъ засѣдателей по дѣлу безпричиннымъ отводомъ нерѣдко полезныхъ для истиннаго правосудія силъ; въ - шести хъ, устраненіе изъ числа присяжныхъ засѣдателей, согласно ст. 82 Учр. Суд. Уст., лицъ, впавшихъ въ крайнюю бѣдность или находящихся въ услуженіи въ качествѣ домашней прислуги; въ - седми хъ, рядъ улучшеній какъ въ составѣ комиссій по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, такъ и въ порядкѣ дѣйствій таковыхъ; въ - восьми хъ, введеніе привода присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ и объясненія имъ ихъ правъ и обязанностей лишь единожды предъ открытіемъ каждаго періода засѣданій съ ихъ участіемъ вмѣсто исполненія этихъ обрядовъ по каждому дѣлу, лишавшаго присягу ея торжественной значительности и обращавшаго объясненія предсѣдателя въ безплодное повтореніе одного и того же и т. д.

Какъ на примѣры и з'мѣненій, существенно вліявшихъ на конструкцію, соотношеніе и устойчивость отдѣльныхъ частей Устава Уголовнаго Судопроизводства, можно указать прежде всего на рядъ послѣдовательныхъ сокращеній подсудности присяжнымъ засѣдателямъ дѣлъ по преступленіямъ должности, противъ порядка управленія, противъ лѣсной стражи, противъ пользованія телеграфомъ, дѣлъ о злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ общественныхъ и частныхъ банковъ, о двоебрачій, объ убійствѣ и покушеніи на убійство, а также насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ должностныхъ лицъ при исполненіи или по поводу исполненія ими служебныхъ обязанностей, и, наконецъ, дѣлъ о выдѣлкѣ и храненіи взрывчатыхъ веществъ— и на передачу этихъ дѣлъ суду Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, при чемъ послѣдовательно было признано, что предварительное слѣдствіе и обрядъ

преданія суду не представляются безусловно обязательными. Затѣмъ существеннымъ измѣненіемъ постановленій о публичности засѣданій явились дополненія къ статьѣ 620, расширившей случаи закрытія дверей засѣданій, съ предоставленіемъ суду и министру юстиціи дѣлать распоряженія объ устраненіи публичности въ рядѣ случаевъ, не предусмотрѣнныхъ составителями Судебныхъ Уставовъ, при чемъ, какъ показала практика, въ признаніе такихъ случаевъ въ отдѣльныхъ дѣлахъ нерѣдко и чрезмѣрно вносился субъективный взглядъ подъ вліяніемъ „злобы дня“ или внѣсудебныхъ соображеній. Нельзя отнести къ улучшеніямъ У. У. С. и раздѣленія, въ 1877 г. Уголовнаго Кассац. Департамента на отдѣленія. Это раздѣленіе, вмѣстѣ съ установленіемъ залога, хотя нѣсколько и разгрузило Сенатъ, обремененный дѣлами, но создало на практикѣ возможность обхода принципіальныхъ вопросовъ и нерѣдкіе случаи несогласованности въ разъясненіяхъ различныхъ отдѣленій, колебавшіе начало единства кассаціонной дѣятельности. Едва ли нужно затѣмъ говорить о серьезномъ значеніи такихъ измѣненій въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства и въ Учрежденіи Судебныхъ Установленій, каковы: постановленія о судѣ по государственнымъ преступленіямъ, кореннымъ образомъ измѣнившія порядокъ производства дѣлъ по этимъ преступленіямъ и предварительнаго изслѣдованія послѣднихъ, начиная съ закона 19 мая 1871 года, придавшаго дознанію чиновъ жандармской полиціи значеніе слѣдственныхъ актовъ;—отмѣна права Правительствующаго Сената на окончательное возбужденіе уголовного преслѣдованія противъ Губернаторовъ и подчиненіе его по этому предмету опредѣленій разсмотрѣнію Комитета Министровъ (нынѣ Совѣта Министровъ);—постепенное измѣненіе статей 575 и 576 Уст. Уг. Суд., поставившее вызовъ свидѣтелей со стороны обвиняемаго въ полную зависимость отъ усмотрѣнія и личныхъ, могущихъ быть предвзятыми, взглядовъ суда и т. п. Сюда же надо отнести тѣ измѣненія Судебныхъ Уставовъ, которыя послѣдовали при примѣненіи ихъ къ окраинамъ, къ Сибири и нашимъ Средне-Азіатскимъ владѣніямъ. Подробный разборъ этихъ измѣненій покажетъ въ своемъ мѣстѣ, насколько таковыя вызывались дѣйствительными бытовыми особенностями края, и насколько основаніемъ для нихъ послужили временныя соображенія политическаго характера.

Переходя къ области иѣскаженіи Судебныхъ Уставовъ, приходится отмѣтить прежде всего то, что не могло не повліять на независимость и самостоятельность дѣятельности судебного слѣдователя, которыя составители Судебныхъ Уставовъ старались обезпечить, представивъ ему наравнѣ съ судьями, несмѣняемость. Въ первые же годы введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ эта несмѣняемость слѣдователей была фактически отмѣнена тѣмъ, что министерство юстиціи, вмѣсто соблюденія установленнаго порядка въ назначеніи на должность слѣдователей, стало командировать къ исполненію таковой причисленныхъ къ нему чиновниковъ. Если эта мѣра отчасти можетъ быть объяснена недостаткомъ на первое время въ опытныхъ людяхъ и опасеніемъ сознательныхъ и безсознательныхъ упущеній и нарушеній съ ихъ стороны, то со времени введенія судебной реформы во всѣхъ округахъ Европейской Россіи, создавшаго прочную школу для судебныхъ дѣятелей,—и съ изданіемъ закона 1885года, создавшаго Верховный дисциплинарный судъ, для такого



упраздненія созданнаго Судебными Уставами положенія судебныхъ слѣдователей нѣтъ уже никакого основанія. Учрежденіе земскихъ начальниковъ въ 1889 году нанесло сильнѣйшій ударъ тому началу отдѣленія судебной власти отъ административной, о которомъ такъ настойчиво заботились составители Судебныхъ Уставовъ, признавая необходимость строго разграничивать административные взгляды, политическія соображенія и начальственные распоряженія отъ стремленія къ правосудію и отъ работы судейской совѣсти, которая предписываетъ сообразоваться не съ тѣмъ, что надо предупредить вообще, а съ тѣмъ, что надо обсудить по конкретнымъ, наличнымъ обстоятельствамъ. Почти совершенное упраздненіе мирового института, вызванное учрежденіемъ земскихъ начальниковъ, повело и къ упрощенію порядка судебно-мирового разбирательства, начертаннаго Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства, а знаменитая статья 61 Положенія о земскихъ начальникахъ ввела въ судебную практику послѣднихъ приемы, ничего общаго съ судебнымъ разбирательствомъ не имѣющіе. Это Положеніе, создавшее въ лицѣ Губернскихъ Присутствій рядъ весьма пестрыхъ по составу кассационныхъ инстанцій, глубоко нарушило начало единства кассационной практики, открывъ широкое поле для своеобразныхъ мѣстныхъ толкованій карательныхъ и процессуальныхъ законовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ введенія земскихъ начальниковъ, призванныхъ осуществлять собою близкую къ народу юстицію, находясь въ то же время въ полной зависимости отъ органовъ администраціи,—была, по докладу министра юстиціи Н. В. Муравьева, образована комиссія о пересмотрѣ законоположеній по судебной части. Открытая и закрытая широковѣщательными рѣчами своего предсѣдателя и организованная въ весьма широкомъ масштабѣ, комиссія эта, внося въ Судебные Уставы нѣкоторыя мелочныя измѣненія,—по отношенію къ Учрежденію Судебныхъ Установленій и въ особенности къ Уставу Уголовнаго Судопроизводства вступила на путь искаженія Судебныхъ Уставовъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ объ учрежденіи комиссіи было высказано, что отдѣленіе суда отъ администраціи и неудачно сформулированное начало судейской несмѣняемости имѣли своимъ послѣдствіемъ ошибочный взглядъ на неизбежность правительственнаго направленія суда и судебного вѣдомства и на намѣреніе законодателя поставить представителей судебной власти въ особое исключительное положеніе въ ряду прочихъ правительственныхъ органовъ. Въ развитіе этихъ взглядовъ Муравьева судебная власть земскаго начальника была всецѣло сохранена въ обширномъ проектѣ „упорядоченія“ суда, составленномъ комиссіей подъ его предсѣдательствомъ, несмотря на согласіе министра внутреннихъ дѣлъ на освобожденіе земскихъ начальниковъ отъ судебныхъ функцій;—кассационный судъ предполагалось окончательно лишити единства, передавъ пересмотръ рѣшеній не обладающихъ несмѣняемостью участковыхъ судей, которыми должны были быть замѣнены городскіе и немногіе изъ уцѣлѣвшихъ мировыхъ судей, въ Судебныя Палаты;—предварительное слѣдствіе было рѣшено передать въ руки полиціи, шагнувъ такимъ образомъ далеко назадъ не только за Судебные Уставы, но и за Наказъ судебнымъ слѣдователямъ 1860 года;—предложена отмѣна апелляціоннаго производства и, наконецъ, были всемѣрно намѣчены такія ограниченія въ правахъ и преимуще-

ствахъ лицъ судебного вѣдомства, которыя сводили ихъ во многихъ отношеніяхъ къ служебному уровню заурядныхъ чиновниковъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, безъ всякаго реального повода, былъ „взятъ подъ сомнѣніе“ судъ присяжныхъ, несмотря на то, что въ состоявшемся въ 1895 году совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ огромнымъ большинствомъ этотъ судъ былъ признанъ „судомъ жизненнымъ, имѣющимъ облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащимъ проводникомъ народнаго правосознанія и долженствующимъ не отойти въ область преданій, а укрѣпиться въ нашей жизни“.

Судъ присяжныхъ былъ всегда предметомъ періодическихъ нападеній со стороны нѣкоторой части печати и тѣхъ общественныхъ круговъ, поспѣшность осужденій которыми этого суда не оправдывалась ни знаніемъ процесса вообще, ни знакомствомъ съ дѣйствительными обстоятельствами судебного разбирательства по дѣлу, приводившему ихъ подчасъ въ совершенно невѣжественное негодованіе. Отрывочные газетные отчеты, сокращенныя и искаженныя рѣчи сторонъ, собственныя измышленія досужихъ репортеровъ съ напускнымъ и лицемѣрнымъ негодованіемъ создавали въ негодующихъ взглядъ на необходимость такого приговора, который шелъ бы въ разрѣзъ съ тѣмъ, что изучили, почувствовали, а иногда и перестрадали присяжные, когда передъ ними прошлаживая лѣтопись дѣла въ лицѣ свидѣтелей и самихъ подсудимыхъ. Между тѣмъ судить о правильности отвѣта присяжныхъ можетъ лишь тотъ, кто непрерывно присутствовалъ въ засѣданіи и кто знаетъ, что въ отвѣтѣ на вопросъ о виновности содержится не одно признаніе событія преступленія, но и признаніе нравственной отвѣтственности подсудимаго, нерѣдко поставленнаго въ тяжкія житейскія условія и такъ или иначе уже искупившаго свою вину. Поэтому, если бывають рѣшенія присяжныхъ, съ которыми присутствовавшій на судѣ опытный судебный дѣятель и не можетъ согласиться, то im Grossen und Ganzen—нѣтъ такихъ рѣшеній, кажущихся неправильными, которыхъ нельзя бы было понять и объяснить рядомъ доступныхъ пониманію причинъ. Поэтому не объ отмѣнѣ суда присяжныхъ, а объ усовершенствованіи условій, въ которыя онъ поставленъ, слѣдуетъ позаботиться тѣмъ, кому дорого жизненное, а не формальное отправленіе правосудія. Несомнѣнно, что судъ присяжныхъ, какъ и всякій судъ отражаетъ на себѣ недостатки общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ и изъ нѣдръ котораго онъ исходитъ, но недостатки эти въ значительной мѣрѣ искупаются безусловной независимостью этого суда,—чуждаго служебнымъ расчетамъ и честолюбію,—могущею давать просторъ чувству христіанскаго милосердія, которое вполнѣ искупаетъ то, во всякомъ случаѣ, небольшое число оправдательныхъ приговоровъ, которые подсказаны этимъ чувствомъ, но идутъ въ разрѣзъ съ формальными требованіями закона. При томъ составъ присяжныхъ засѣдателей на практикѣ, благодаря небрежному, а иногда и слишкомъ любезному составленію списковъ, являетъ собою почти постоянно не то фактическое единеніе представителей разныхъ слоевъ общества, которое намѣтили составители Судебныхъ Уставовъ, а собраніе людей, которымъ не удалось по ихъ служебному положенію или по какимъ либо другимъ причинамъ избѣжать внесенія ихъ въ списки. Въ то время, когда крестьяне безропотно несутъ обязанности присяжнаго засѣдателя и по своему стараются свято исполнить свой долгъ, лица привилегированныхъ сословій и



въ особенности чиновники спѣшати представлять въ судъ фиктивныя свидѣтельства о болѣзни или не менѣе фиктивныя заявленія начальства о служебныхъ командировкахъ. Въ этомъ отношеніи характерно, на примѣръ, то, что 16 іюля настоящаго года 14 присяжныхъ изъ—33, явившихся въ петербургскій окружной судъ къ началу новой сессіи, ходатайствовали объ освобожденіи ихъ, представивъ 13 свидѣтельствъ начальства о неотложныхъ служебныхъ занятіяхъ и командировкахъ и 1 свидѣтельство о болѣзни. Въ общіе списки присяжныхъ комиссіями въ усиленномъ составѣ, согласно 99 ст. Учр. Суд. Уст., не рѣдко одни и тѣ же лица изъ несостоятельныхъ крестьянъ вносятся по нѣсколькимъ лѣтамъ сряду и въ тоже время вовсе не попадаютъ лица дворянскаго или купческаго сословія, удовлетворяющія всѣмъ условіямъ избранія. Бываютъ случаи, что въ эти списки вносятся лишенные правъ состоянія или далеко перешедшіе за установленный закономъ семидесятилѣтній возрастъ. При этомъ отсутствіе всякаго матеріальнаго вознагражденія тяжело отзывается на оторванныхъ отъ обычныхъ занятій и не имѣющихъ обезпеченныхъ средствъ. На это въ концѣ шестидесятыхъ годовъ обратили вниманіе многіе земства и стали выдавать крестьянамъ—присяжнымъ небольшое пособіе на время пребыванія ихъ въ городѣ. Но скрытые недоброжелатели суда присяжныхъ начали вопить о томъ, что исполненіе судейскихъ обязанностей обывателями не есть повинность, а дорогое право, вознагражденіе за пользованіе которымъ извратило бы его существо. Этотъ взглядъ бездушнаго формализма былъ, къ сожалѣнію, раздѣленъ первымъ департаментомъ Сената, который нашель необходимымъ воспретить земствамъ такія выдачи, ибо они могутъ заботиться исключительно „о хозяйственныхъ нуждахъ и пользахъ“, причемъ было позабыто, что на земствѣ лежатъ расходы на народное образованіе и народное здравіе, а также выдача содержанія мировымъ судьямъ.

Отъ присяжныхъ, какъ отъ людей практической, а не кабинетной жизни, нельзя требовать, чтобы они замкнулись въ оцѣнку подлежащаго ихъ разсмотрѣнію событія безъ всякаго заглядыванія впередъ и оглядки назадъ. Самъ законъ, давая имъ право признавать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія по обстоятельствамъ дѣла, тѣмъ самымъ заставляя ихъ вглядѣться и вдуматься въ главное обстоятельство дѣла—въ самого подсудимаго, т. е. въ то преступное состояніе, которое замѣнило у современныхъ криминалистовъ отжившее понятіе о злой волѣ. Не винить ихъ слѣдуетъ за то, что они, быть можетъ, иногда и безсознательно возбуждаютъ въ своей совѣсти вопросы уголовной политики и не стоятъ на почвѣ, характеризуемой словами „*fiat justitia*“ и „*dura lex sed lex*“. Къ ихъ рѣшеніямъ законодатель долженъ приглядываться и прислушиваться, почерпая полезныя для себя указанія на то, какъ иныя карательныя узаконенія идутъ въ разрѣзъ съ народнымъ или общественнымъ правосознаніемъ. Иногда законодатель это дѣлалъ и у насъ: такова была, на примѣръ, коррекціонализація нѣкоторыхъ паспортныхъ преступленій, вызванная тѣмъ, что „потерпѣвшая отъ преступленія паспортная система“ не находила себѣ достаточной защиты у присяжныхъ, сознававшихъ ея недостатки и нерѣдко видѣвшихъ въ подсудимомъ ея житейскую жертву. Къ сожалѣнію, по этому пути законодатель идетъ рѣдко, предпочитая ограниченіе области дѣйствія присяжныхъ прислу-

шиванію къ ихъ голосу и принятію соотвѣтственныхъ мѣръ. При томъ, присяжныхъ засѣдателей до послѣдняго времени держали въ искусственномъ невѣдѣніи о карательныхъ результатахъ ихъ рѣшеній, отдавая ихъ тѣмъ самымъ на жертву ложныхъ и иногда недобросовѣстныхъ толкованій закона и ошибочныхъ собственныхъ представленій о строгости грозящаго подсудимому наказанія, чему въ значительной степени способствовало сохраненіе сословной подсудности за кражи и мошенничества. вмѣстѣ съ тѣмъ длительное производство предварительныхъ слѣдствій съ неизбѣжнымъ заключеніемъ подъ стражу большинства обвиняемыхъ, отсиджавшихъ до суда многіе мѣсяцы предварительнаго ареста въ качествѣ мѣры пресѣченія, приводило присяжныхъ къ мысли, что подсудимый уже понесъ достаточное наказаніе, а дальнѣйшее пребываніе его въ общихъ камерахъ большинства нашихъ тюремъ—въ этой школѣ взаимнаго обученія праздности, пороку, разврату и преступленію—представлялось имъ лишеннымъ всякой цѣли въ нравственномъ и исправительномъ отношеніи. Неоднократныя и многочисленныя заявленія присяжныхъ суду о необходимости ускорить слѣдствіе, сократить случаи предварительнаго ареста и замѣнить тюрьмы работными домами съ принудительнымъ трудомъ или земледѣльческими карательными колоніями служатъ лучшимъ доказательствомъ живого и сознательнаго отношенія ихъ къ своему дѣлу и того, гдѣ лежитъ „корень зла“ ихъ оправдательныхъ приговоровъ иногда при собственномъ признаніи обвиняемаго.

Улучшеніе формъ процесса, связанное съ господствующимъ въ немъ началомъ внутренняго убѣжденія, въ противоположность теоріи формальныхъ доказательствъ неминуемо выдвигаетъ, какъ уже сказано, предъ представителями общественной совѣсти на ряду съ событіемъ нарушенія закона и личность самаго нарушителя. Въ благородномъ стремленіи оградить права этой личности и избѣжать осужденія больного или недоразвитаго человѣка подъ видомъ преступнаго, представители положительной науки и главнымъ образомъ психіатріи и невро-патологіи доходятъ до крайнихъ предѣловъ, противъ которыхъ протестуютъ не только логика жизни, но подчасъ и требованія нравственности. Изъ понятія о болѣзни воли создалось новѣйшее ученіе о неврастеніи, которое, захватывая множество случаевъ проявленія слабости воли, доведено нѣкоторыми до установленія совершенно немыслимыхъ проявленій невмѣняемости, въ родѣ *folie du doute*, *belanofobia* (боязнь булавокъ), антививисекціонизма и болѣзненной наклонности къ опрятности. Болѣзнь характера вызвала сначала ученіе англійскихъ врачей о *moral insanity*, а потомъ явилась психопатія, которая разлилась такою безбрежной рѣкой, что сами психіатры силятся теперь направить ее въ русло опредѣленныхъ душевныхъ болѣзней и, такъ сказать, урегулировать ея разливъ. Наслѣдственность, несомнѣнно существующая, но въ большинствѣ случаевъ лишь какъ почва для дурныхъ вліяній среды и неблагоприятныхъ обстоятельствъ,—лишь какъ эвентуальный факторъ преступленія,—разсматриваемая съ предвзятой односторонностью и съ чрезвычайными обобщеніями, привела къ мысли объ атавизмѣ, въ силу которой современное человѣчество будто бы заключаетъ въ себѣ огромное количество людей (до 40% всѣхъ обвиняемыхъ) съ Морелевскими ушами и Гутчинсоновскими зубами, сѣдлообразнымъ небомъ, нечувствительностью къ



внѣшнимъ страданіямъ, татуировкою, оригинальнымъ почеркомъ, страннымъ способомъ выраженій и т. д.,—представляющихъ собою запоздалое одичаніе. Установивъ такимъ образомъ произвольный, по совокупности далеко не точно изслѣдованныхъ признаковъ, типъ челоѣкозвѣря, въ дѣйствительности и физически и нравственно отличающагося отъ дикаря, возвращеніе къ которому въ немъ иногда хотятъ видѣть, иногда, нѣкоторые эксперты, вызываемые въ судъ по дѣламъ возбуждающимъ особое общественное вниманіе, поселяютъ въ присяжныхъ засѣдателяхъ тягостныя для ихъ совѣсти сомнѣнія, недостаточно умѣло разсѣваемаыя представителями обвиненія. почти всегда болѣе чѣмъ слабо-подготовленными по части судебной медицины и ученія о душевныхъ болѣзняхъ. Наконецъ, при оцѣнкѣ рѣшеній присяжныхъ засѣдателей, порицаемыхъ за ихъ неправильность, не слѣдуетъ упускать изъ виду, во-первыхъ, слабое развитіе у насъ предсѣдательскихъ руководящихъ напутствій присяжнымъ и частую безцвѣтность ихъ содержанія, нерѣдко односторонняго и чуждаго главной цѣли напутствія — оцѣнки силы доказательствъ; — и во-вторыхъ, цѣлаго ряда кассационныхъ рѣшеній, которыми, въ громкихъ процессахъ, установлены: бездѣятельность предсѣдательствующихъ по устраненію страстныхъ и противорѣчащихъ задачамъ судебныхъ преній выходокъ сторонъ, вліяющихъ на душевное равновѣсіе присяжныхъ.—переполненіе судебного слѣдствія данными и обстоятельствами, не имѣющими отношенія къ дѣлу и нарушающими, отвлекая вниманіе присяжныхъ въ сторону, правильную уголовную перспективу, и, наконецъ, неправильная постановка вопросовъ, несоотвѣтствующая существу предъявленнаго обвиненія. Поэтому надлежитъ признать, что окончательный выводъ совѣщанія такихъ свѣдущихъ лицъ, какъ старшіе предсѣдатели и прокуроры Судебныхъ Палатъ, указавшихъ при томъ совершенно опредѣленно на необходимыя мѣры къ устраненію условій, неблагопріятно вліяющихъ на дѣятельность присяжныхъ, долженъ былъ въ глазахъ комиссіи Муравьева окончательно рѣшивъ вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи этой формы суда, лишь опредѣлить дальнѣйшую задачу работъ комиссіи для устраненія указанныхъ условій. Однако, вопреки этому, вопросъ объ удержаніи суда присяжныхъ въ нашемъ судостроствѣ былъ въ 1896 году вновь поднятъ предсѣдателемъ комиссіи, при чемъ этому предшествовала ожесточенная травля этой формы суда въ статьяхъ разныхъ авторовъ, помѣщенныхъ въ официальномъ органѣ министерства юстиціи и вызвавшихъ строгую и заслуженную отповѣдь въ брошюрѣ Джаншіева: „Судъ надъ судомъ присяжныхъ“, и въ спеціально посвященномъ этому вопросу засѣданіи юридическаго общества при петербургскомъ университетѣ. Въ окончательномъ выводѣ своемъ комиссія, послѣ того, какъ въ ея засѣданіи авторъ наиболѣе запальчивой статьи противъ суда присяжныхъ И. П. Закревскій, бывшій въ прежніе годы его горячимъ сторонникомъ, заявилъ, что нападенія его были лишь теоретическаго свойства,—признала необходимымъ удержать судъ присяжныхъ и даже ввести таковыхъ „особаго состава“ по нѣкоторымъ дѣламъ взаимнъ сословныхъ представителей. Работы комиссіи, служившія показателемъ разрушительной тенденціи по отношенію къ У. У. С., вызвавшія сильныя возраженія со стороны Министерства Внутреннихъ дѣлъ и Финансовъ, не получили, къ счастью, окончательной законодательной санкціи, такъ какъ при введеніи обновленнаго строя были возвращены изъ Государственнаго Со-

вѣта стараго устройства въ министерство юстиціи и нынѣ въ существенныхъ своихъ частяхъ *requiescant in pace*.

За время существованія нашихъ законодательныхъ палатъ министерство юстиціи вновь вступило въ извѣстной степени на путь улучшенія У. У. С., внеся въ Государственную Думу и проведя черезъ нее и Государственный Совѣтъ проектъ закона о разрѣшеніи объяснять присяжнымъ засѣдателямъ угрожающее подсудимому наказаніе, чѣмъ, наконецъ, устранена вредная для правосудія „игра въ прятки“ съ судьями, рѣшающими вопросъ о виновности. Еще большее значеніе имѣетъ законъ о мѣстномъ судѣ и о введеніи его въ дѣйствіе, возстановившій званіе выборнаго мирового судьи и отмѣнившій судебныя функціи земскихъ начальниковъ. Если вслѣдствіе взаимныхъ уступокъ и компромиссовъ между противоположными взглядами и направленіями законъ этотъ и не представляетъ желательной цѣльности, то во всякомъ случаѣ онъ составляетъ отраднѣйшій шагъ впередъ по отношенію къ нашему уголовному суду, возвращающій его въ то русло, которое было намѣчено и углублено составителями Судебныхъ Уставовъ. Третій законопроектъ—объ измѣненіи порядка производства дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ по службѣ и о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные неправильными дѣйствіями должностныхъ лицъ, встрѣченный весьма сочувственно Государственной Думой, подвергся въ Государственномъ Совѣтѣ значительнымъ измѣненіямъ, умаляющимъ его практическое значеніе. Но тѣмъ не менѣе введеніе большей самостоятельности прокуратуры и условий, значительно ускоряющихъ производство дѣлъ и облегчающихъ разрѣшеніе пререканій, является значительнымъ улучшеніемъ того отдѣла У. У. С., въ которомъ при составленіи Судебныхъ Уставовъ были сдѣланы наибольшія уступки бюрократическому строю административныхъ управленій. Пренія въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу предположенія о передачѣ дѣлъ о преступленіяхъ по должности отъ сословныхъ представителей къ присяжнымъ засѣдателямъ, всесторонне развитаго министромъ юстиціи, но не нашедшаго поддержки у большинства, выяснили еще разъ неосновательность упрековъ присяжнымъ засѣдателямъ за чрезмѣрное количество постановляемыхъ ими оправдательныхъ приговоровъ, указанную еще совѣщаніемъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ въ 1894 году, когда было отмѣчено, что съ 1883 года въ теченіе десяти лѣтъ замѣчалось постепенное, но неуклонное увеличеніе обвинительныхъ приговоровъ, постановляемыхъ присяжными и уменьшеніе таковыхъ, постановляемыхъ Окружнымъ Судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, при чемъ среднему числу 68% обвинительныхъ приговоровъ, постановляемыхъ Судебными Палатами съ участіемъ сословныхъ представителей, соответствовали 65% обвинительныхъ приговоровъ въ судѣ присяжныхъ. Это соотношеніе сохранилось и до настоящаго времени, при чемъ разницею въ 3% не искупается громоздкость суда съ сословными представителями, крайне неудобная для сторонъ и свидѣтелей и очень дорого стоящая, такъ какъ бывали случаи, когда судебныя издержки, принятыя на счетъ казны, по одному дѣлу доходили до 1600, а по другому даже до 6000 руб. Въ сущности этотъ судъ по своему составу, по равнодушному отношенію къ дѣлу сословныхъ представителей, стремящихся къ замѣщенію себя въ порядкѣ обратной постепенности



совершенно неподходящими лицами, и подавляемыхъ большинствомъ короннаго элемента, — представляетъ изъ себя не что иное, какъ обыкновенный судъ безъ присяжныхъ засѣдателей, которому, однако, подсудны дѣла первостепенной важности, изъята отъ присяжныхъ засѣдателей. Изъ той же области улучшенія У. У. С. намѣченъ, но еще не получилъ окончательнаго законодательнаго разрѣшенія вопросъ о вознагражденіи присяжныхъ засѣдателей за исполненіе ими ихъ обязанностей, благодаря чему—надо надѣяться—прекратится злорадное „покиваніе главъ“ на крайне рѣдкіе и исключительные случаи такъ называемаго подкупа присяжныхъ засѣдателей, вызываемаго ихъ тягостнымъ матеріальнымъ положеніемъ, при чемъ, на примѣръ, за пятнадцатилѣтній періодъ съ 1880 по 1895 года, оказывалось признанныхъ виновными около тридцати человекъ изъ болѣе, чѣмъ милліона состоявшихъ въ комплектахъ присяжныхъ.

На скромномъ торжествѣ, въ Петербургѣ, которымъ тѣсный кружокъ юристовъ отпраздновалъ 20 ноября 1889 г. двадцатипятилѣтіе изданія Судебныхъ Уставовъ, одинъ изъ участниковъ въ ихъ составленіи, много положившій ума и таланта въ ихъ приложеніе къ жизни, В. Д. Спасовичъ, вспоминая прошлое, сравнилъ эти Уставы въ ихъ дѣвственной неприкосновенности съ Афродитой, вышедшей изъ пѣны морской. Скоро минетъ пятьдесятъ лѣтъ съ 20 ноября 1864 года... Гармоническія черты богини измѣнились, чело ея покрыли морщины—плодъ горькихъ утратъ и тяжелыхъ испытаній — но для тѣхъ, кто ее узналъ полвѣка назадъ, кто съ любовью и тревогой слѣдилъ за ея жизненнымъ путемъ, ея внутренняя красота осталась неизмѣнной, и въ душѣ ихъ живетъ вѣра, что все наносное, временное, случайное, вызванное „злойбой дня“ и служащее послѣдней, при дальнѣйшемъ развитіи русской правовой жизни „спадетъ ветхой чешуей“, открывъ неувядающія черты первоначальнаго образа.

А. О. Кони.

*Августъ 1913.*



















2007110741